

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Незнакомцы на Монтегю-стрит

«Замечательная
история».
Fresh Fiction

TRADD STREET. КНИГА 3

Tradd Street

Карен Уайт

Незнакомцы на Монтегю-стрит

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уайт К.

Незнакомцы на Монтегю-стрит / К. Уайт — «Эксмо»,
2011 — (Tradd Street)

ISBN 978-5-04-113639-0

Жизнь Мелани стремительно меняется. С недавних пор в ее доме живет тринадцатилетняя Нола, дочь ее возлюбленного Джека, о существовании которой они оба узнали совсем недавно. У Нолы есть искусно выполненный большой кукольный домик с фигурками обитателей – копия одного из городских старинных особняков. Поговаривают, в особняке, имеющем непростую историю, обитают призраки. Мелани и Джек отправляются к хозяйке дома, чтобы разобраться в этих слухах, потому что с недавних пор Мелани и Нола получают от потусторонних сил загадочные и иногда довольно пугающие знаки.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-113639-0

© Уайт К., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Карен Уайт

Незнакомцы на Монтегю-стрит

Глава 1

Ночную тьму спящего дома пронзил телефонный звонок. Резкий и настойчивый, он вырвал меня из странного сна, в котором неким образом присутствовала я, Джек, лопата и что-то темное и волнистое, спрятанное под черной землей. Но как только Джек открыл рот, чтобы что-то сказать, раздался этот самый телефонный звонок. Я рывком приподнялась в кровати и сбросила на пол Генерала Ли. Пёс раздраженно тявкнул. Я потянулась к телефону, спросонья позабыв, что шнур выдернут из розетки. Я уже поднесла трубку к уху, как вдруг почувствовала затылком знакомое покалывание.

Мелани.

Я прислушалась, пытаюсь понять слова, хотя на самом деле их было трудно назвать словами – скорее невнятные звуки, едва различимые среди потрескивания статического электричества, которые слышала только я.

– Бабушка?!

Мелани, снова услышала я. Звук был мягкий и мелодичный. Я не почувствовала страха, хотя, полагаю, телефонный звонок от мертвых встревожил бы большинство людей. Но я уже привыкла.

– Бабушка? – снова спросила я, услышав лишь стаккато помех. Я закрыла глаза, как когда-то меня учила мать, и, сосредоточившись на звуке, попыталась мысленно воссоздать слова.

Не бойся.

Я закатила глаза, изо всех сил пытаюсь побороть нетерпение и в очередной раз удивляюсь тому, почему призраки не могут просто прийти и сказать то, что хотели. Моя жизнь была похожа на длинный фильм категории «В», где я, как одинокий зритель, кричала, обращаясь к экрану: «Просто скажи ей уже!»

Стараясь не обращать внимания на лапу Генерала Ли, пытавшегося привлечь мое внимание, я сосредоточилась заново – крепко закрыла глаза и напрягла слух.

Не бойся. И ради разнообразия слушай свое сердце.

Я тотчас вытаращила глаза – во сне Джек говорил мне то же самое. В трубке прозвучал сигнал отбоя, и я поспешила вернуть ее на место. Генерал Ли скулил и прижимал лапу к моей ночной рубашке. Я посмотрела на этот маленький черно-белый меховой шарик, вопреки моему желанию доставшийся мне в наследство вместе с экономкой миссис Хулихан и «антикварным» домом на Трэдд-стрит, где я сейчас живу. Тот самый дом, который буквально рушился у меня под ногами и с угрожающей скоростью высасывал деньги с моего банковского счета.

Я наклонилась, чтобы поднять обиженного отсутствием хозяйского внимания пса, но тот вырвался из моей хватки и вместо этого подбежал к туалетному столику, где начал скрести лапой одну из бронзовых ручек ящика, отчего та с лязгом ударилась о полированное красное дерево.

– Что? – спросила я, следуя за ним, как будто на самом деле ожидала ответа. Генерал Ли был лишь самую малость менее общительным, чем те призраки, с которыми я разговаривала с самого раннего детства, когда я еще не умела хранить эти «навыки» при себе.

В свете уличного фонаря я прошла через всю комнату к комоду и уже собиралась повторить свой вопрос, когда увидела на комодe что-то похожее на бумажник, лежавший между моим ночным кремем La Mer и сложенным в несколько раз листом с таблицей требующих

моего внимания дел – я пользуюсь ею каждый день, чтобы точно распределять свое время, а иногда и время других людей.

Включив маленькую хрустальную лампу, я несколько раз моргнула, чтобы глаза привыкли к свету. Поскольку я убеждена, что очки меня старят, они были спрятаны в ящик прикроватного столика, так что мне пришлось прищуриться, чтобы лучше разглядеть странный предмет. Я уставилась на него, абсолютно точно помня, что, когда ложилась спать, его там не было. Это определенно был бумажник, причем знакомый. Взяв его в руки, я открыла его и ничуть не удивилась, увидев, что с водительского удостоверения, выданного в Южной Каролине, на меня смотрит знакомое лицо.

Джек Тренхольм, рост шесть футов два дюйма, вес сто восемьдесят пять фунтов, черные волосы, голубые глаза. Заглянув в отделение для купюр и увидев там две банкноты по двадцать и одну в десять долларов, я с отвращением закрыла бумажник. Приличной фотографии на водительских правах нет ни у кого. Моя собственная напоминает нечеткий снимок Снежного Человека. Но фото Джека, конечно же, было ничуть не хуже рекламного, вроде тех, что смотрят на вас с задней обложки его книг. Как автор исторических романов-бестселлеров о загадочных преступлениях прошлого, он просто не имел права выглядеть как модель журнала GQ. Это раздражало и немного нервировало меня.

Я сердито посмотрела на Генерала Ли.

– Как это попало сюда? – Более подходящим вопросом было бы «почему?», но я давно узнала, что со мной вечно происходили необычные вещи, и всегда по какой-то странной причине, но никогда по причине, которую можно было бы легко объяснить. Кроме того, я разговаривала с псом, и тонкости моего вопроса наверняка были ему недоступны.

Я задумчиво потерла пальцами мягкую кожу. Джека я не видела около двух недель – с того катастрофического дня, когда на крыльце моего дома появилась до этого неизвестная девочка-подросток и назвала его «папа». Я с радостью отступила, чтобы не мешать Джеку, его родителям и подружке (моей очень далекой кузине Ребекке Эджертон) решить эту маленькую проблему. С меня хватало моих собственных проблем, наименьшей из которых была диагностика трещин фундамента моего дряхлого исторического особняка. Плюс моя неспособность игнорировать непреодолимую тягу к Джеку Тренхольму.

Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке – интересно, не слишком ли рано звонить Джеку в пять пятнадцать утра? – как вдруг раздался звонок в дверь. Мы с Генералом Ли переглянулись, и мне показалось, что песик нахмурился, но, возможно, меня подвело плохое зрение. Я быстро сунула ноги в тапочки, накинула поверх ночной рубашки халат и сунула в карман халата бумажник. Взяв собаку на руки, я спустилась по лестнице в прихожую, искренне надеясь, что мой посетитель будет живым существом.

Фонари у входной двери оставались включенными, освещая веранду моего дома и позволяя легко распознать в узкие окна по обе стороны двери знакомую фигуру незваного гостя. Набрал код для снятия сигнализации – А-Б-Б-А, по названию моей любимой поп-группы, – я отодвинула засов и открыла дверь.

– Джек, – спокойно сказала я, хотя, если честно, в эти мгновения мое сердце выделявало кульбиты и сальто. – Надеюсь, у тебя имеется по-настоящему веская причина разбудить меня, раз ты явился посреди ночи на мой порог?

Джек улыбнулся своей коронной улыбкой, которой с самого детства привык сражать наповал легионы женщин.

– Просто, Мелли, я увидел в твоём окне свет и понял, что ты не спишь. Чем ты занимаешься? Развешивала вещи в шкафу в алфавитном порядке имен дизайнеров?

Пока я натужно пыталась придумать ответ, который не включал бы в себя тот прискорбный факт, что я уже это сделала, я заметила, как его взгляд скользнул от моих тапочек до высо-

кой горловины моей ночной рубашки, выглядывающей из моего просторного и очень толстого халата. Несмотря на позднюю весну, я была одета по-зимнему, так как по натуре я мерзлячка.

Я хмуро посмотрела на его брюки цвета хаки, мокасины без носков и белую рубашку с закатанными рукавами. Мне бросились в глаза его взлохмаченные волосы, щетина на щеках и круги под глазами, которые, к сожалению, нисколько не умаляли его дьявольской привлекательности.

Прежде чем я успела что-то сказать, он уже отпустил шпильку в мой адрес:

– Что-то не припомню, чтобы я видел этот наряд в каталоге Victoria's Secret. Это что-то новенькое?

– Что тебе нужно, Джек? У меня есть куда более важные дела, чем стоять возле входной двери и трепаться с тобой.

Его улыбка чуть померкла, но я все равно это заметила. Он оглянулся на затемненное место на веранде и снова повернулся ко мне. Теперь его улыбка напоминала гримасу. По моему позвоночнику пробежала первая дрожь тревоги.

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

Уфф. У меня отлегло от сердца. Я скрестила на груди руки. Очевидно, это какая-то шутка. Не в привычках Джека просить об одолжении. Его обычная стратегия была иной – обаять жертву, чтобы та ни за что не поняла, что она делает именно то, что ему нужно.

– Надеюсь, для этого мне не нужно ложиться на спину? Или ты просто напоишь меня, чтобы потом шантажировать? – Технически он не совершал ни того, ни другого, но мне нравилось делать вид, что эти два случая произошли по его вине.

Вместо язвительного комментария, который я ожидала услышать, Джек нахмурился и покачал головой. Я слишком поздно поняла, что он на веранде не один – из тени позади него вышла юная девушка, с которой я до этого встречалась всего один раз. Джек, который стоял, прислонившись к дверному косяку, выпрямился, давая ей возможность шагнуть мимо него в прихожую. Почти так же, как и ее отец, она окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног, только придиричвее, и при этом шумно жевала жевательную резинку.

– Красивые тапочки. – Она выпустила большой пурпурный пузырь жвачки, а затем снова втянула его в рот.

Я посмотрела на свои ноги. Эти тапочки мне подарила моя лучшая подруга Софи Уоллен, специалист по истории Чарльстона и его памятникам архитектуры, преподаватель местного колледжа, и они мне очень понравились. Я постоянно убеждала себя, что это потому, что в них тепло ногам, а не потому, что они были похожи на Генерала Ли, потому что я на самом деле не собачница. Особенно в данный момент, когда у меня на глазах мой неверный пес норовил пристроиться у ног девушки и тыкался носом ей в коленку.

Шагнув вслед за девушкой в прихожую, Джек закрыл за собой дверь. Мне тотчас бросились в глаза напряженные морщины вокруг его рта, хотя было видно, что он силится удержать улыбку на месте.

– Мелани, у меня не было возможности официально представить тебя в прошлый раз, когда мы были здесь, поэтому я бы хотел, чтобы ты познакомилась с Эммалин Амелией Петтигрю. Эммалин, познакомься с моей... моим...

Он умолк, как будто не зная, кем представить меня, и я была не в праве винить его в этом.

– Другом, – закончила я, ощутив странную необходимость прийти ему на выручку. Было ясно как божий день, что рядом с этой юной особой Джек чувствует себя совершенно не в своей тарелке.

– Мелани Миддлтон, – добавила я и протянула руку, потому что не смогла придумать ничего другого.

Девушка шагнула ближе и встала под люстрой. Теперь я смогла рассмотреть ее лучше. Несмотря на жирную черную подводку для глаз, ярко-красную помаду, коротенькую джинсо-

вую юбку и высокие розовые кеды «Конверс», было видно, что она еще совсем юная – лет тринадцати или четырнадцати. Эта особа также была обладательницей красивых черных волнистых волос и пронзительно-голубых глаз, не оставлявших сомнений в ее родстве с Джеком.

Проигнорировав мою протянутую руку, она шелкнула жвачкой и выдула еще один пузырь.

– Нола, – сказала она. – Мое настоящее имя – Нола.

Я опустила руку и посмотрела на Джека.

– Мы только что получили из Калифорнии ее свидетельство о рождении, и, похоже, ее официальное имя Эммалин Амелия. Очевидно, она просто привыкла к прозвищу.

Нола тут же скрестила на груди руки. На ее лице появилось нечто среднее между улыбкой и ухмылкой. Я тотчас напряглась: за этим явно что-то последует.

– Мама всегда называла меня Нола, потому что я была зачата в Новом Орлеане, штат Луизиана, когда она и этот парень напились в стельку.

Джек заговорил сквозь стиснутые зубы, а у меня мелькнула мысль, что, по идее, эта сцена должна доставлять мне куда большее удовольствие, нежели я испытывала в эти минуты.

– Как я уже сказал, ее зовут Эммалин Амелия, и последние тринадцать с половиной лет она жила со своей матерью в Лос-Анджелесе.

Я вопросительно посмотрела на него. За этими словами скрывалась целая история, которой он рано или поздно должен поделиться со мной. Но не сейчас. Девушка едва заметно вздрогнула. Костяшки ее пальцев, сжимавших ремни потрепанного рюкзака, побелели. Было в ее дерзости, в ее бравате что-то такое, что казалось неправдоподобным. Нечто печальное, одинокое, напуганное. Нечто такое, что напомнило мне брошенного ребенка, каким когда-то была я сама.

Я плохо разбиралась в девочках-подростках, хотя когда-то была такой же, но я знала: дать ей сейчас новое имя – не слишком хорошая идея. Я также знала, что стоящая передо мной девушка не Эммалин и не Амелия.

Выразительно посмотрев на Джека, мол, лучше молчи, я сказала:

– Приятно познакомиться, Нола. Мне кажется, что это имя тебе идет.

– Значит, ты спишь с ним? – спросила девушка, с торжествующим взглядом, предназначенным ее отцу.

– Абсолютно нет, – сказала я одновременно с Джеком, заявившим:

– Но попытки были.

Нола закатила глаза:

– Я сказала ему, что подумаю, оставаться мне тут или нет, если между вами что-то есть или типа того.

Или типа того. Я не вполне поняла, что значит эта последняя часть фразы, но я точно знала: что бы мы с Джеком ни делали, это нельзя отнести к категории «что-то есть».

– Ты хочешь, чтобы она пожила у меня? – спросила я и резко посмотрела на Джека.

– Да. Это услуга, о которой я собирался тебя попросить.

– А как же Ребекка? – спросила я, ощутив приступ головокружения. У меня и без того довольно плотный график дел. Вряд ли в моей таблице найдется свободная клеточка для чего-то еще, тем более для явно проблемного подростка.

Прислонившись к моему чиппендейловскому секретеру, Нола издала звук, как будто ее вот-вот вырвет. От толчка стоявшая на секретере статуэтка дрезденского фарфора слегка качнулась, но, к счастью, все же осталась на месте.

– Я тебя умоляю. А то я сейчас блевану. Я точно придушу эту сладкую розовую фифу, а мне не катит загреметь в тюряжку для несовершеннолетних.

Я подняла брови, хотя и была совершенно согласна с ее оценкой Ребекки. Сделав над собой усилие и стараясь говорить спокойно, я посмотрела на Джека:

– А в доме твоих родителей?

– Они уже ужали свое пространство до квартиры с одной спальней. Они могли бы хоть сегодня выставить ее на продажу и купить новый дом, чтобы у Эммы... Нолы... была своя комната, но я не хочу, чтобы они это делали. Кроме того, нам, ну, вроде как сейчас что-то нужно.

– И она не может жить у тебя, потому что?..

Джек стиснул зубы.

– Потому что... – Он пожал плечами – либо потому, что не смог придумать убедительный ответ, либо потому, что не хотел, чтобы Нола его услышала.

– Потому что я ему не нужна. Он никогда меня не хотел, – подала голос Нола.

Вытянув руки в примирительном жесте, Джек шагнул к ней.

– Неправда, Нола. Я тебе уже говорил. Не знаю, почему ты отказываешься меня слушать.

– Это ты не желаешь ничего слушать, – почти выкрикнула Нола. Лицо ее покраснело под слоем косметики, и это было нечто большее, нежели обычная обида или злость. Мне внезапно подумалось: я ведь ничего не знаю об обстоятельствах, которые привели ее к Джеку. Что-то ранило Нолу гораздо глубже, чем она была готова признать, и даже для меня было очевидно, что Джек не имеет об этом ни малейшего понятия.

Я почувствовала, что моя шея стала слегка липкой.

– Может, всякий раз, когда у вас двоих будет спор, я могу быть вашим посредником? Кем-то вроде рефери. И даже время от времени навещать вас.

Я с надеждой улыбнулась им.

Две пары одинаковых голубых глаз посмотрели на меня с выражением презрения. Под их взглядом я тотчас ощутила себя очень-очень маленькой и бессердечной. Какой-то части меня было даже приятно наблюдать за их спаррингом, как то частенько бывает между нормальным отцом и дочерью-подростком. Я никогда не «бодалась» с моими родителями, но лишь потому, что у меня никогда не было такой возможности. Моя мать оставила меня, когда мне было шесть лет, отец же обычно бывал слишком пьян, чтобы обращать на меня внимание. Хотя мои отношения с обоими родителями значительно улучшились за последний год, я по-прежнему ощущала внутри себя огромную пустоту, зиявшую в годы моего взросления. Не то чтобы мне хотелось вернуться в юность. В конце концов, мне тридцать девять лет. Слишком стара, чтобы иметь дело с подростковой тревогой. Или быть не замужем, но это уже совсем другое дело.

– Но она даже не знает меня, – сказала я, хватаясь за свою последнюю соломинку.

Взгляд Нолы был настолько жгучим, что я ожидала увидеть, как от моего махрового халата поднимаются клубы дыма.

– Лучше здесь, чем оставаться с ним, – Нола вздернула подбородок, указывая на Джека. – Или жить на улице. – Судя по ее взгляду, второй вариант был лишь чуть хуже, чем жизнь под одной крышей со мной.

Джек прикоснулся к моей руке и задействовал против меня всю силу своего мощного обаяния, начав с пронзительного взгляда очень, очень голубых глаз.

– Мы здесь в этот безбожный час потому, что цапались до полуночи, пока я не запросил перемирие, чтобы хоть немного поспать. Вот тогда-то я и застучал ее за попыткой улизнуть. Я усадил ее рядом со мной на диван в гостиной, и тут мне в голову пришла мысль, что ты, возможно, не спишь, – он покачал головой. – Пожалуйста, Мелли, – добавил он, назвав меня уменьшительным именем, которое я терпеть не могу, хотя и он, и моя мать обожают им пользоваться. Мать – потому что это мое детское имя, Джек – потому что ему нравится дразнить меня. – Это ненадолго, – продолжил он, – до тех пор, пока мы не разрулим дела, но, живя под одной крышей, мы вряд ли это сделаем.

– А как же школа? – спросила я, в последней попытке избежать катастрофы. – Разве она не должна ходить в школу по месту жительства?

Нола закатила глаза:

– Школа – отстой.

Джек явно хотел что-то ей сказать, но, похоже, передумал.

– Я уже получил ее оценки, она – отличница, – сказал он вместо этого. – Чтобы закончить этот учебный год, я попробую определить ее в группу домашнего обучения. Тем временем моя мать попытается определить ее в Эшли-Холл, ее alma mater, да и твоей матери тоже. Надеюсь, совместными усилиями они добьются для нее места в новом учебном году.

Я знала, как выглядят девушки из школы Эшли-Холл – гладко зачесанные волосы, клюшка для лякросса, румяное личико, – и хоть убей не могла представить себе, что Нола в ее возрасте впишется в этот образ. Но я прикусила язык. Какое мне до всего этого дело?

– В общем, у Нолы в запасе целое лето, – с надеждой в голосе добавил Джек, – чтобы привыкнуть к Чарльстону.

Я посмотрела на них обоих, они в свою очередь выжидающе смотрели на меня. Джек – с надеждой в глазах, Нола – исподлобья. Меня так и подмывало выкрикнуть короткое «нет». У меня есть моя собственная жизнь, без оков в виде мужа или детей или иных обязанностей, которые не включают в себя выполнение моей квоты продаж для «Бюро недвижимости Гендерсона». Или дальнейшую реставрацию моего красивого, но вечно высасывающего из меня деньги дома. Но стоило мне посмотреть на Нолу, как я вновь увидела испуганного, брошенного взрослыми ребенка, который, за исключением предательской дрожи, изо всех сил старается храбриться и дерзить. К сожалению для нас обеих, я видела не только ее дрожь. Я видела в ней себя.

– Хорошо, – осторожно сказала я, желая положить конец страданиям Нолы и не провоцировать ее дальнейшую неприязнь ко мне. – Она может пожить здесь некоторое время. В гостевой комнате на кровати есть чистые простыни и чистые полотенца в ванной. Я позабочусь о том, чтобы Нола, пока она будет жить у меня, чувствовала себя как дома.

Я вопросительно посмотрела на Джека в надежде на то, что он не только назовет конкретный период времени, но и окажет мне моральную поддержку.

Но нет, в его глазах читалось лишь огромное облегчение. Учитывая эмоциональную травму, которую он причинил мне в прошлом году, мне, по идее, полагалось злорадствовать. Вместо этого мне стало жаль и его, и Нолу: их отношения напомнили мне отношения между мной и моим отцом до недавнего времени, когда он наконец бросил пить.

– Спасибо, – сказал Джек. Мне не оставалось ничего другого, как улыбнуться.

Джек подошел к двери и открыл ее.

– Я знаю, Нола не хочет об этом забыть.

С этими словами потянулся за чем-то на веранде и втащил в дом видавший виды черный гитарный футляр, потертый и поцарапанный, почти сплошь залепленный наклейками. Большую часть надписей на них уже было невозможно прочесть. Наверху, рядом с одной из защелок, виднелся маленький белый прямоугольник с выцветшими черными словами «Я люблю N'awlins. НОЛА».

Джек поставил футляр возле столика в фойе. Я на пару секунд уставилась на эту штуковину и второй раз за ночь ощутила кожей затылка знакомое покалывание. Я оглянулась по сторонам, ожидая увидеть... что-то. Температура, похоже, упала на несколько градусов, и я увидела, как Нола потеряла руки, как будто они озябли. А затем я услышала что-то вроде едва слышной музыки. Я взглянула на Джека и Нолу, проверяя, слышат ли они ее тоже, но эти двое усердно старались придумать, как им попрощаться без физического контакта.

Я напрягла слух, чтобы лучше услышать, но мелодия звучала так тихо, что мое ухо с трудом улавливало ее. Исполнялась она на акустической гитаре, красивая, бередящая сердце мелодия.

– Итак, Нола, – сказал Джек. – У тебя есть номер моего мобильного. Звони мне, если тебе что-то понадобится. Что угодно, – подчеркнул он.

Она кивнула, упрямо выставив вперед подбородок – точно так же, как Джек, когда тот бывает расстроен, но старается не подавать виду.

Я повернулась к Ноле:

– Мне надо коротко поговорить с твоим отцом. Может, пойдешь в свою комнату? Наверх по лестнице и налево. Третья дверь справа, ванная комната рядом. Чувствуй себя как дома, я скоро к тебе приду.

Нола со вздохом взяла гитару и закинула на плечо свой выдавший виды рюкзак. Молния на нем частично разошлась, и наружу высунулась мордочка старенького плюшевого мишки. Вот это сюрприз! Эта игрушка рассказала мне о Ноле больше, чем ее агрессивная косметика и вызывающее поведение. Это также напомнило мне, что ей всего тринадцать лет и она очень одинока. Ну, почти. Генерал Ли, подлый предатель, с радостью увязался за ней, не имея ничего против, что его ведет за собой незнакомка.

– Нола! – окликнула ее я, когда она начала подниматься по лестнице. – Мне рано утром надо на работу, но я скажу домработнице, миссис Хулихан, чтобы она присмотрела за тобой и дала тебе все, что понадобится. Я велю ей приготовить тебе завтрак, ты только скажи мне, чего ты хочешь, и я обещаю, что ты это получишь.

Она обернулась и угрюмо ответила:

– Я не люблю просыпаться раньше полудня, и я признаю только веганскую и органическую еду. – Не дожидаясь ответа, она отвернулась и нарочито медленно, едва переставляя ноги, зашагала вверх по лестнице.

Я снова посмотрела на Джека и увидела в его глазах хитринку.

– Учтывая, как ты привыкла налегать на выпечку и животный белок, Мелли, это может быть для тебя проблемой. Наверно, мне следовало предупредить тебя...

– Подозреваю, что не только об этом. – Я сложила на груди руки. – Тебе явно есть что мне сказать. Начнем с того, где сейчас ее мать.

Он быстро посмотрел на верхнюю площадку лестницы, и лицо его посерьезнело.

– Она умерла.

Слова Джека меня не удивили. Думаю, я знала это с первого момента, как только увидела Нолу. Но мое вечное стремление подальше прятать мое шестое чувство порой делало меня чрезвычайно тупой.

Он взял меня за руки и притянул ближе к двери.

– Возможно, Нола подслушивает, – тихо добавил он, – поэтому я не хочу говорить об этом сейчас. Давай встретимся в восемь часов в кофейне «Фаст энд Френч». Выпьем кофе, и я все тебе расскажу.

– За тобой и вправду должок, – вздохнула я.

– Я знаю, – тихо сказал он и, не отрывая рук от моих, продолжал смотреть на меня. В какой-то момент я даже подумала, что он собрался меня поцеловать, и даже решила, что, в принципе, я не против. Увы, время для подобных нежностей давно прошло, похороненное слишком глубоко под слоем всевозможных причин, почему мы с Джеком не подходим друг другу, не говоря уже о том, что у него была девушка, а теперь и дочь-подросток.

Он убрал руки.

– Это ведь не был «почти поцелуй», не так ли?

– Нет, – слишком поспешно подтвердила я.

– Отлично. Потому что я уже потерял счет, – сказал он, имея в виду свою досадную привычку напоминать мне всякий раз, что он меня почти поцеловал. Впрочем, все это было давным-давно. Джек шагнул на веранду. – Тогда увидимся в восемь.

– Я буду там, – пообещала я, прежде чем закрыть и запереть за ним дверь, и вновь включила сигнализацию. Я уже собралась выключить свет и вернуться наверх, когда снова услышала музыку, такую тихую, еле слышную, что я даже усомнилась, слышу ли я ее вообще. Я поймала себя на том, что, как антенну, поворачиваю голову, чтобы уловить слабый сигнал.

Когда я поднялась на лестничную площадку и направилась в комнату Ноли, мне показалось, что звук стал громче. А еще я застала там Генерала Ли, спящего перед закрытой дверью. Я подняла было руку, чтобы постучать, но та сама застыла в воздухе. Я прислушалась. Музыка стихла, и до моего слуха с другой стороны двери донесся плач. Я опустила руку, затем тихо отступила назад и, не выключив свет в коридоре, направилась в свою комнату. Плотнo закрывать дверь я не стала. Сбросив с себя халат, я начала готовиться к работе, и все это время мне не давал покоя вопрос, сколько призраков эта потерянная, одинокая девочка принесла в мою жизнь.

Глава 2

Я закончила сочинять записку для миссис Хулихан, чтобы та знала: наверху спит девочка-подросток, которой, когда она проснется около полудня, нужно приготовить на завтрак что-нибудь веганское. Я надеялась улизнуть из дома до прихода экономки, потому что была уверена: вопросов будет гораздо больше, чем у меня найдется ответов. Я оставила под дверь Нолы свою визитную карточку и записку с просьбой позвонить мне, как только она встанет, чтобы мы могли придумать, чем нам заняться в остальные часы дня. Надеюсь, мой завтрак с Джеком даст ответ хотя бы на этот вопрос.

Почесав Генерала Ли за ухом, я угостила его вкусняшкой, не в силах вынести несчастный взгляд, который пес бросал на меня всякий раз, когда я оставляла его дома. Закрыв за собой дверь кухни, я услышала доносившиеся из сада голоса. Я на миг застыла на месте, как всегда, когда слышу в моем доме голоса, вспоминая призраков, которые населяли его, когда я только переехала сюда. Большинство из них исчезли, но несколько остались, тихие и ненавязчивые. Но мы как будто заключили негласный уговор: каждый живет своей жизнью и не мешает другим.

Осторожно шагая по мощеной дорожке, которую отец проложил для меня в ходе восстановления сада, я проследовала по ней вдоль стороны дома до сада. Здесь голоса смешивались с журчанием фонтана в виде писающего мальчика. Я застыла на месте, не зная, что мне делать – нахмуриться или расхохотаться.

Софи, ни разу не кандидат на обложку журнала, разве что «National Geographic», была одета в нечто вроде длинной юбки, скроенной из пары джинсов большого размера, разорванных, а затем на манер стеганого одеяла заново сшитых заплатками. Чудо-юбку дополняли майка-варенка и вечные «биркенстоки». Ногти на ногах разноцветные, а темные непокорные кудри с великим трудом удерживала на месте ядовито-зеленая резинка. Ее экзотический облик резко контрастировал со стоящим рядом с ней человеком в простой клетчатой рубашке и джинсах. Это был мой водопроводчик Рич Кобильт. Тяжелый пояс с инструментами низко съехал ему на бедра, а вместе с поясом съехали и джинсы, открывая взгляду его спину чуть ниже, чем мне бы того хотелось. Оба смотрели на кирпичный фундамент моего дома и сокрушенно качали головами. Черт, если Софи, эксперт в области исторической реставрации, глядя на мой старый-престарый дом, качает головой, значит, дело швах.

– Доброе утро! – крикнула я с несколько наигранным воодушевлением и направилась к ним. Как назло, шпилька моей туфельки застряла между двумя каменными плитами. Погрузившись до упора в мягкую траву, она засасывала мою туфлю в грязь. Мне тотчас подумалось, что ведь и этот дом делал то же самое с моей жизнью.

– Доброе утро, – ответили эти двое в унисон, примерно так же, как гробовщик приветствует своего клиента.

– Что не так на этот раз? – спросила я, остановившись перед Софи, и проследила за ее взглядом. Тот, как и следовало ожидать, был устремлен на довольно большую кривую трещину, проходившую через кирпичи от земли до первого этажа. – Я в курсе трещин фундамента. Пожалуйста, скажи мне, что это не что-то более серьезное.

Рич и Софи переглянулись, после чего сантехник повернулся ко мне.

– Вообще-то, мисс Миддлтон, – сказал он, – не считая урагана, для такого старого дома, как этот, ничто не может быть серьезней треснувшего фундамента. Этот же из рук вон плох.

Я медленно кивнула, мысленно услышав знакомый звоночек кассового аппарата.

– И насколько же?

– Вообще-то... – Он как будто вытащил слово. – Похоже, ваш курс акций полетел к чертям. Не знаю почему, кроме того что дом старый. Возможно, корни вон того старого дуба

тянутся слишком далеко. Гадать можно сколько угодно. Эта стена вполне может обрушиться, а поскольку это несущая стена...

При чем тут «курс акций»? Не иначе как мои глаза остекленели, потому что Софи преврала поток его словоизвержений:

– Рич пытается сказать, Мелани, что если ничего не предпринимать, то со временем станет только хуже. А работенка предстоит немалая – поднять дом с существующего фундамента и построить новый. Это единственный способ исправить ситуацию.

Я стояла, моргая под яркими лучами утреннего солнца. Моя мечта обосноваться наконец в собственном доме и возобновить мою обычную, размеренную жизнь, внезапно показалась мне столь же нелепой, как если бы я напялила на себя один из нарядов Софи. Я повернулась к Ричу:

– Разве вы не сантехник?

– Да, мэм, сантехник. А также сертифицированный специалист по ремонту фундаментов и вместе с сыном Брайаном являюсь совладельцем фирмы «Хард Рок Фаундейшенз». Мы даем пожизненную гарантию качественного выполнения работ, и наша фирма включена в реестр «Бюро лучшего бизнеса». Спросите у доктора Уоллен. Она обращалась к нам по поводу многих своих реставрационных проектов и даст нам рекомендацию.

Способность к сопротивлению оставила мое тело до самой последней клеточки.

– Во сколько это мне обойдется? – спросила я, но тут же поспешила поднять руку: – Нет-нет, не говорите мне. Я позвоню вам позже, чтобы обсудить все подробно, и только после того, как выпью бокал вина. – Или два. – Просто скажите рабочим, чтобы они не начинали работу раньше шести часов утра. Не хочу, чтобы меня будили. – Я тотчас вспомнила про Нолу и ее странную привычку спать до обеда, но ничего не сказала. Она у меня ненадолго, поэтому какая разница. – Софи, просто сообщи моему отцу, чтобы он выписал чеки.

Мой отец был распорядителем имущества, которое я унаследовала, и отвечал за все расходы, связанные с реставрацией дома. Я мысленно прикинула, во сколько мне обойдется детонатор и тротил.

– Вообще-то... – начала Софи, после того как они с Ричем опять переглянулись.

– Видите ли, мисс Миддлтон, доктор Уоллен пытается сказать, что, пока мы тут будем работать, дом будет непригоден для жилья. Вам придется на время куда-то переехать отсюда.

Черт, а не броситься ли мне на траву и не забиться в истерику, махая кулаками и лягаясь? Впрочем, нет, это отняло бы гораздо больше сил, чем те, которые у меня есть.

– И надолго? – спросила я, стараясь, чтобы моя улыбка не превратилась в свирепый оскал. – Я лишь недавно вернулась сюда после того, как все половицы были подняты и уложены заново. И я только что забрала всю мебель из хранилища. – Я вскинула руки ладонями вверх: – А что подумает Генерал Ли, когда его снова выставят из дома?

Прежде чем ответить, Софи в упор посмотрела на меня.

– Я уверена, – изрекла она, – что вы с Генералом Ли отлично устроитесь в доме твоей матери. И я думаю, три месяца – это максимум. В зависимости от погоды, конечно.

Я несколько раз открыла и закрыла рот, чувствуя себя выброшенной на берег рыбой. Отказавшись от попыток что-либо сказать, я просто кивнула, развернулась на заляпанном грязью каблуке и чуть не столкнулась нос к носу с Нолой. Первое, что я заметила, – это то, что на ней была та же одежда, что и накануне вечером, и эта одежда выглядела так, словно она в ней спала. Во-вторых, она выглядела не слишком счастливой.

– Что за черт? – рывкнула она на меня, уперев кулаки в бедра. – Зачем вы открыли мое окно, как будто здесь жарница в тысячу градусов? И почему моя гитара лежала со мной на кровати? Что, черт возьми, вы вообще делали в моей комнате?

Прежде чем я успела даже пискнуть, вперед вышла Софи.

– Ты, должно быть, Нола, – сказала она, протягивая ей руку. – Я – Софи Уоллен, подруга Мелани. Кстати, мне жутко нравится твой лак для ногтей... черный лак, которым я пользуюсь, не имеет такого блеска.

Спустя мгновение Нола подняла руку и дала Софи пожать ее несколько раз. Ее глаза скользнули по наряду Софи, смерив ее оценивающим взглядом с головы до пят. Я напряглась, готовая в любую секунду грудью встать на защиту моей лучшей подруги, независимо от того, соглашусь я с оценкой Нолы или нет.

– Классная юбка, – сказала она, причем даже без тени сарказма. – Моя мама сшила мне такую же, но мне пришлось оставить ее в Калифорнии, потому что она не влезла в мой рюкзак.

Покосившись на сантехника (он же специалист по фундаментам), я решила, что его испуганный взгляд – точная копия моего собственного.

Нола с вызовом сложила на груди руки:

– Как вы узнали, кто я такая?

Я ждала, что Софи ответит, поскольку собиралась задать тот же самый вопрос.

Софи просияла улыбкой, отточенной годами преподавания в колледже. Улыбка эта вынуждала студентов видеть в ней, несмотря на ее малый рост, строгого, авторитетного препода.

– О, милая, – по-южному протяжно ответила она, хотя на самом деле родилась и выросла далеко к северу от линии Мэйсон-Диксон¹, – мы с твоим папой хорошие друзья и постоянно общаемся. Это я предложила привезти тебя сюда, когда он упомянул, что тебе не очень комфортно жить у него.

Я в упор посмотрела на Софи, давая понять, что у нас с ней еще состоится разговор на эту тему.

– Да, здесь не намного лучше, – заметила Нола, смерив меня колючим взглядом. – Я не привыкла вставать ни свет ни заря. В смысле, что за гребя...

Прежде чем она успела договорить последнее слово, я попыталась отвести ее назад по тропинке в дом, на кухню.

– Мне кажется, я слышала машину миссис Хулихан. Почему бы нам не позавтракать? После еды ты сразу почувствуешь себя бодрее, вот увидишь.

Нола даже не сдвинулась с места.

– Верно. Я уже проверила вашу кухню. Прорва мяса умерщвленных животных и горы пончиков с высоким содержанием глютена. Брр, гадость! Кто только ест такое дерьмо? Думаю, мой папаша просто хочет, чтобы я протянула ноги от голода.

Бросив на меня выразительный взгляд, чтобы я не ляпнула лишнего, Софи взяла Нолу за руку.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Мне самой не верится, что она ест все это. Почему бы тебе не подняться вверх и не переодеться? А потом я отвезу тебя в мое любимое место и мы там позавтракаем. У них потрясающие кексы из тофу и яйца без яиц. Тебе точно понравится.

Наблюдая, как Софи ведет Нолу обратно в дом, я подавила дрожь.

– Привези ее ко мне на работу, когда закончишь, хорошо?

Не оборачиваясь, Софи изобразила одобрение, показав мне большой палец. Они уже исчезли за углом дома, но тут я услышала, как Нола спросила:

– Но кто же тогда открыл у меня окна?

Ответ Софи отчетливо донесся до меня через весь сад:

– Это старый дом, милая. Здесь случаются вещи, которые обычно нигде больше не происходят.

---

¹ Линия Мэйсон-Диксон – граница между штатами Мэриленд и Пенсильвания, условно разделяющая север и юг США. – Прим. переводчика.

Зная, что у Рича во время работы в доме было несколько «случаев», я избегала смотреть на него. Я просто не собиралась туда входить. Вместо этого, помахав на прощание рукой, я зашагала по дорожке.

– Спасибо, Рич. Просто дайте мне знать, когда будете готовы начать работу, чтобы я могла освободить дом. В очередной раз. Вы знаете, как связаться со мной.

Я зашагала к своей машине, стоящей в старом каретном сарае позади дома, превращенном теперь в гараж. Закрыв за собой дверь, я, прежде чем завести двигатель, долго сидела в моем авто, в очередной раз удивляясь тому, как моя некогда размеренная жизнь слетела с рельсов, словно поезд во время урагана, без моего ведома и согласия.

* * *

Когда я ровно в пять минут девятого подошла к двери кофейни «Фаст энд Френч» на Брод-стрит, там уже собралась небольшая толпа. Я пунктуальна до безобразия и считаю себя опоздавшей, если не прихожу в нужное место за десять минут до назначенного времени. Мне очень хотелось надеяться, что остаток моего дня не будет таким же.

Я посмотрела на толпу, не надеясь увидеть в ней Джека – этот лентяй не привык вставать рано. Скорее всего, уйдя от меня рано утром, он вновь завалился спать. А если он уже здесь, то лишь потому, что дело, которое он хотел обсудить мной, было для него крайне важно.

Мой телефон пискнул, оповещая меня, что пришла эсэмэска. Как оказалась, от Джека. Он сообщал, что сидит у стойки бара в задней комнате. Рассыпаясь в извинениях, я растолкала людей, чтобы подобраться к двери. Стараясь не нервничать, я прошла мимо дежурки-метрдотеля и села рядом с Джеком, перед которым на стойке уже лежали два меню.

Кофейня «Фаст энд Френч», известная туристам как *Gaulart et Maliclet*, была моим личным фаворитом. Обожаю его слегка вычурный интерьер с фресками и другими произведениями искусства, которые украшают собой почти каждую поверхность. Не говоря уже про несовершенное на первый взгляд сочетание современного искусства и классической резьбы камина и карнизов. Но дабы не быть обвиненной в любви в старинной архитектуре, я всегда оставляю это скромное наблюдение при себе.

– Доброе утро, – осторожно сказала я. – Ты спал на улице после того, как ушел от меня, ожидая, когда они откроются? – У Джека на лице темнела щетина, но одежда была чистой и отглаженной, и от него слегка пахло мылом. Но я все равно не удержалась от подколки. За исключением этого утра, я ни разу не видела, чтобы Джек встал с постели раньше десяти часов. Или оставался в ней, но это была еще одна тема, которую я предпочла не поднимать.

– Доброе утро, – бодро произнес он, и на его щеках появились две очаровательные ямочки. – И нет, я не спал на улице. Просто не хотел опаздывать, зная, как сильно это тебя раздражает. – Его ямочки сделались еще глубже.

Молодая бойкая официантка возникла перед нами по другую сторону барной стойки:

– Вы готовы сделать заказ?

– Два шоколадных круассана и капучино с двойными сливками, пожалуйста, – сказала я, не глядя в меню.

– Это для вас двоих? – уточнила она, глядя на Джека и широко улыбаясь. Я бы не удивилась, запиши она свой номер телефона на бумажке и сунь ее ему в карман. Такое случалось не раз.

Джек прочистил горло:

– Вообще-то, это все для нее. Я буду только кофе. Черный, пожалуйста.

Подняв брови, девица записала наш заказ и забрала у нас меню. Я пожала плечами. Из всех черт, унаследованных по линии маминой семьи Приоло, активный метаболизм был боль-

шим плюсом. В моих глазах это было что-то вроде компенсации за другую, куда более мало-приятную вещь – способность общаться с мертвыми людьми.

– Одним прекрасным утром ты проснешься толстой, Мелли, и поделом тебе будет.

Я всегда была выше и стройнее девушек моего возраста, и ничто не изменилось за последние тридцать девять лет. Несмотря на отсутствие бюста, я гордилась своей способностью есть все, что хочу, и при этом влезать в брюки.

Я фыркнула, снимая с чашки капучино передо мной ложку сливок.

– Ты будешь первым, кому я сообщу, когда это произойдет, Джек, – сказала я и зажмурила глаза, наслаждаясь сладостью на моем языке.

– Итак, как все прошло после того, как я ушел? – спросил Джек, когда официантка налила в его чашку кофе.

– Как и следовало ожидать. В конце концов, ее только что сбагрили в чужой дом. Когда, после того как ты улизнул от меня, я подошла к двери ее комнаты, чтобы спросить, не нужно ли ей что-нибудь, то услышала, что она ревет. Я не стала заходить. Я хорошо помню себя в ее возрасте. И я поняла, что ее лучше не трогать. Можно сделать только хуже.

Джек задумчиво кивнул:

– Вот почему я решил, что будет лучше оставить ее у тебя. Я бы как ни в чем не бывало вошел к ней и спросил, что случилось.

– Потому что ты мужчина. – Я сделала глоток кофе. – Тем не менее я считаю, что твой богатый опыт общения с женщинами должен был тебя чему-то научить.

– Ей только тринадцать, Мелли. И она моя дочь. Поверь мне, когда мне было тринадцать лет, девочки моего возраста были существами с другой планеты. Мне кажется, с тех пор ничего не изменилось.

Сделав еще один глоток, я исподтишка бросила на него взгляд. Что-то подсказывало мне, что и в тринадцать лет он был таким же красавчиком, как и в нынешние тридцать пять.

– Тебе потребовалась профессиональная помощь?

Джек кивнул:

– Да. Мы ходили к детскому психологу, и тот сказал мне, что Эммал... Нола удивительно хорошо приспособлена к жизни, учитывая то, через что она прошла, и лучшее, что я могу сделать сейчас, – это включить ее в мою жизнь. – Он фыркнул. – Мы даже не можем жить под одной крышей, поэтому я не уверен, что у меня это получится.

– Ты что-нибудь придумаешь, – сказала я, ободряюще похлопав его по руке. Впрочем, от моей уверенности ничего не осталось, стоило мне вспомнить растерянную тринадцатилетнюю девочку, которую он бросил на моем пороге.

Нам наконец принесли заказ. Официантка поставила на стойку между нами мои круасаны и добавила еще одну вилку. Я придвинула тарелку к себе вместе с обеими вилками и положила в рот первый кусочек.

– Тебе лучше начать с самого начала, – сказала я, прожевав и проглотив его. – Например, кем была мать Нола и почему я никогда не слышала о ней или ее дочери.

Джек начал задумчиво чертить пальцем по стойке круги.

– Все не так, как ты думаешь, Мелли. Я встречался с Бонни Петтигрю, матью Нола, на последнем курсе колледжа. Она была из Коламбуса, штат Джорджия... такая милая девушка-южанка. Не скажу, что она была любовью всей моей жизни, но нам было хорошо вместе. Весело. Мы с ней постоянно смешили друг друга. В Университете Южной Каролины я был начинающим кватербеком, но ты, я догадываюсь, это уже и сама знаешь.

Я сделала непроницаемое лицо. Не хотелось признаваться, что я искала информацию о нем в Гугле. Джек несколько секунд в упор смотрел на меня, ожидая, что я вот-вот расколуюсь, но, когда этого не произошло, продолжил:

– Бонни была чирлидершей, так что это тоже было кое-что общее. Нам как бы полагалось встречаться, ну, ты понимаешь?

Я кивнула, хотя и не понимала. Мои четыре года в колледже Южной Каролины были в первую очередь посвящены учебе, нежели общественной работе. Я могла по пальцам пересчитать, сколько раз я студенткой была на футболе. Плюс еще три пальца на те три свидания, которые у меня там были.

– А еще Бонни была довольно музыкальной, – между тем продолжил Джек. – Она все время сочиняла песни и исполняла их для меня на гитаре. У нее это здорово получалось. Честное слово. Ей хотелось сочинять музыку, и сразу после окончания колледжа она хотела отправиться в Калифорнию. Говорила, что, дескать, это лучшее место для занятий творчеством и что тамошняя природа будет ее вдохновлять. В общем, между нами существовал негласный уговор, что мы расстанемся, и я не особенно парился по этому поводу.

– А потом была поездка в Новый Орлеан на праздник Марди-Гра, – сказала я, не в силах скрыть сарказм.

– Она самая, – даже не моргнув глазом, согласился он. – Мы отлично провели время. Тогда я не был запойным алкоголиком, но, похоже, к тому все шло. Мы часто устраивали вечеринки. Много пили.

– И, видимо, не предохранялись.

Джек подал знак официантке принести ему еще кофе.

– Видимо, нет. Я был молод и очень наивен. А может, даже глуп, потому что мне даже не приходило в голову, что Бонни могла забеременеть. Она вообще ничего мне не сказала. Помню лишь, что примерно за месяц до выпуска она призналась, что решила бросить учебу, что ей не нужен диплом, чтобы заниматься тем, что ей больше всего нравится, и вообще, она переезжает в Калифорнию. Она даже словом не обмолвилась, что беременна.

– А после того, как родила, она больше не связывалась с тобой?

Джек покачал головой:

– Ни разу. Я тоже понятия не имел, как связаться с ней... да и вообще, это никогда не входило в наши планы. Но один раз я все же написал ее матери в Коламбус... ее отец умер, когда она была маленькой, и мать была ее единственным близким человеком. Впрочем, они с Бонни никогда не были духовно близки, так что ее мать смогла мне сказать лишь то, что Бонни перебралась в Калифорнию и с тех пор от нее не было никаких вестей. Все это, конечно, было очень печально, но я решил, что Бонни всегда поступает так, как ей хочется.

– Значит, ты забыл о ней?

– Я этого не говорил. Я просто стал жить дальше, – сказал он, глядя на меня в упор. – Но я никогда не забывал ее.

Я вонзила вилку в остатки круассана на тарелке.

– Как ты думаешь, почему она не рассказала тебе о ребенке?

Прежде чем ответить, Джек долго смотрел на свою чашку.

– Потому что она знала, что я бы предложил пожениться и вместе воспитывать ребенка. Вот только Бонни никогда бы не согласилась на это. Она была бы несчастна, застрянь навечно в Южной Каролине. Это значило бы поставить крест на всех ее мечтах и замыслах. Вероятно, она решила, что, если она хочет воплотить их в жизнь, ей лучше остаться матерью-одиночкой.

Как ни странно, у меня отлегло от души. Тот Джек, которого я знала, хотя и был не без недостатков, никогда бы не отказался от собственного ребенка. Я осушила вторую чашку, держа ее перед лицом чуть дольше, чем было необходимо, чтобы он не смог прочесть мои мысли. А читать их он умел очень даже хорошо.

– Так что же случилось с Бонни? – спросила я, поставив чашку на стол.

Джек сделал знак официантке, чтобы та принесла еще кофе, и я сделала то же самое.

– Она покончила с собой.

Я подавилась последними крошками. Если честно, я не ожидала услышать такое.

– Преднамеренно?

– Похоже, что да. Во всяком случае, так говорится в отчете коронера. Передозировка наркотиков, хотя из того, что я узнал от полицейского детектива, которому поручили расследование, передоз был для нее привычным делом. За последние два года она, по крайней мере, трижды попадала в больницу, проглотив целый букет наркотиков.

– Бедная Нола, – вырвалось у меня. Я вспомнила ее лицо, когда впервые увидела ее, лицо, говорившее о потере, горе и о чем-то еще, что в тот момент не имело имени. Теперь я поняла, что это было: точно такое лицо смотрело на меня из зеркала в течение долгих лет одиночества. – Кто же присматривал за ней, когда ее мать лечилась?

– Насколько я могу судить, никто. У Бонни была длинная вереница сожителей, и последний из них, Рик, или как его там, был с ней около двух лет. Но я думаю, что Нола сама заботилась о себе. Похоже, не в ее характере просить о помощи.

– Верно, не в ее, – я кивнула в знак моего полного согласия с ним. – Она вполне самостоятельная. – Я сглотнула. – И все-таки как же она нашла тебя?

– Бонни оставила ей конверт... ну такой... из серии «открыть только в случае моей смерти», и там было мое имя, название магазина моих родителей на Кинг-стрит и билет в один конец на автобус «Грейхаунд» до Чарльстона.

Я удивленно подняла брови:

– Она одна проехала на автобусе через всю страну? Вот это храбрость! Да, она выглядит старше, но ведь ей всего тринадцать... ну и ну, – я покачала головой.

– Она пряталась в доме подруги, а затем, чтобы не попасться на глаза работникам социальной службы, даже спала одну ночь на скамейке в парке, прежде чем решила, что ей стоит найти меня. – Джек старался говорить спокойно, но по его голосу я поняла: рассказ этот дается ему нелегко.

– Почему она сначала не позвонила тебе, чтобы сообщить, что придет?

Джек оттолкнул свою пустую чашку.

– Нола не очень разговорчива и молчит о многих вещах, особенно о смерти матери, но она на все сто уверена в одном: Бонни вбила ей в голову, что я был в курсе ее беременности, но отрекся от них обеих. – Он посмотрел на потолок и заморгал. Все, что я могла сделать, чтобы успокоить его, – это пожать ему руку. Через мгновение он продолжил: – Думаю, она делала это для того, чтобы у Нолы не возникало соблазна ее бросить. И из того небольшого, что я сумел выудить из Нолы, я понял, что, когда Бонни воздерживалась от наркотиков, у них были хорошие отношения. Бонни даже научила Нолу играть на гитаре, и они иногда играли вместе на улице. Правда, мне свои таланты она не спешит демонстрировать. Она протащила эту расстроенную гитару через всю Америку, но почему-то отказывается играть на ней.

Я вспомнила, как после того, как моя мать, знаменитая оперная дива, бросила нас с отцом, у меня появилось отвращение к оперной музыке.

– Ей нужно время, – сказала я, надеясь, что Ноле потребуется меньше тридцати трех лет, которые потребовались мне, и то только потому, что моя мать еще жива и объяснила мне, что была вынуждена оставить меня ради спасения моей жизни. Но Бонни больше нет, и ее причины навсегда останутся загадкой.

– Я знаю. Вот почему мне пришлось привести ее к тебе. Софи сказала, что ты поймешь. – Он с виноватым видом улыбнулся мне. – Сколько бы раз я ни говорил Ноле, что понятия не имел о ее существовании, пока не увидел ее на твоём крыльце, она мне не верит. И мы не сможем наладить отношения, пока она не поверит – чего никогда не случится, если мы будем жить под одной крышей и постоянно сталкиваться лбами.

Я нахмурилась:

– Есть только одна проблема. Я рада, что она останется жить у меня, сколько бы времени это ни заняло, но меня вновь выставляют из дома.

Джек удивленно выгнул бровь.

– Софи и сантехник болтали об этом сегодня утром, но все это сводится к трещине в фундаменте. Я еще не спросила мать, но, похоже, мне придется переехать к ней месяца на три. Я уверена, она будет рада принять и Нолу, но мне нужно спросить у нее разрешения. Время от времени у нее возникает желание обзавестись внуком или внучкой, так что, возможно, внучка ее лучшей подруги, живущая с ней под одной крышей, на некоторое время ее излечит от такой фантазии.

– Или навсегда отобьет, – хмуро сказал Джек. – Подростки не для слабонервных.

– Какое счастье, что мы с матерью не такие.

Официантка принесла наши счета, и я заметила, как она прищурилась, пытаясь разглядеть на левой руке Джека обручальное кольцо. Заметив, что я смотрю на нее, она смерила меня самодовольным взглядом. Джек сунул руку в один карман джинсов, затем в другой.

– Странно. Мой бумажник пропал.

Я невозмутимо полезла в сумочку и вытащила бумажник, который Генерал Ли нашел на моем комод. Я оставила его на столе в холле и утром захватила с собой по дороге на работу.

– Твой?

Он взял его у меня и открыл.

– Определенно мой. Где ты его нашла?

– В моей спальне.

Джек нахмурился:

– Не хочу изображать дурачка, но, если бы мой бумажник был в твоей спальне, разве я тоже не был бы там? И поверь мне, я бы это запомнил.

Я шлепнула его по руке:

– Понятия не имею. Все, что я знаю, так это что прямо перед тем, как его нашла, мне кто-то позвонил, хотя телефон был отключен. Уверена, что это как-то связано между собой.

– Снова твоя бабушка?

Джек был одним из немногих, кто знал о моем шестом чувстве. Хотя в течение большей части моего детства и взрослой жизни я тщательно скрывала от всех этот секрет, постепенно мать убедила меня, что его следует воспринимать как дар, а не как проклятие. Но очень постепенно.

Я кивнула.

– Она что-нибудь сказала?

Я подумала о ее словах – *ради разнообразия слушай свое сердце* – и поняла: Джеку об этом говорить не стоит. Если он узнает, то позже найдет способ смутить меня или даже подкупить.

– Нет, – ответила я. – Сам знаешь, обычно это звучит неясно.

– Да, но мы с тобой знаем, что нет такой вещи, как совпадение. Если мой бумажник оказался в твоей комнате из-за нее, значит, она что-то хочет тебе рассказать обо мне.

Чувствуя, что краснею, я покопалась в собственном бумажнике.

– Может быть. Что-то вроде совета «только не открывай дверь». Зря я не прислушалась. – Я улыбнулась ему, но Джек не смотрел на меня. Его взгляд был устремлен внутрь пустого кошелька.

– У меня было пятьдесят долларов. Есть идеи, что могло с ними случиться?

Я покачала головой:

– Когда я прошлой ночью нашла бумажник, деньги в нем были. Я больше не проверяла его содержимое до того, как сунуть его в мою сумочку и приехать сюда.

Наши взгляды встретились, и мы друг друга поняли.

– Не спеши с выводами, Джек, – сказал я. – Вот увидишь, этому есть логическое объяснение. Возможно, они выпали и все еще лежат на столе. Я спрошу у миссис Хулихан, как только вернусь домой. Просто ничего не делай, пока я тебе не позвоню, хорошо?

Он недовольно поджал губы, но тотчас расслабился.

– Хорошо. Но только чтобы ты позвонила мне, как только все выяснишь.

– Обещаю. – Я встала и взяла его счет. – Я угощаю. В следующий раз платишь ты.

– Приглашаешь меня на новое свидание? Весьма любезно с твоей стороны, Мелли.

Не успела я ответить, как зазвонил его мобильник, но, когда Джек посмотрел на номер, он нахмурился и сбросил звонок.

– Налоговый инспектор? – спросила я, толкнув дверь.

– Вообще-то, это Ребекка, – ответил он, выходя следом за мной из кафе.

Меня так и подмывало спросить, почему он не ответил на ее звонок, но я сдержалась. Вдруг он еще подумает, что мне не все равно.

– Я должна сказать тебе одну вещь, Джек, – произнесла я, надевая солнцезащитные очки.

Он сложил на груди руки и в своей коронной манере улыбнулся одним уголком рта.

– Я уже знаю, Мелли. Ты считаешь, что я крутой чувак. Скажи лучше что-нибудь такое, чего я не знаю.

На этот раз я уступила искушению закатить глаза.

– Нола пришла не одна, если ты понимаешь, о чем я.

Джек напрягся. Лицо его посерьезнело.

– Бонни?

– Понятия не имею. Кто бы это ни был, но он прошлой ночью сунул гитару в кровать Нолы и открыл окно в ее спальне. Все, что я знаю, это была не я и не Генерал Ли.

– Ты сказала Ноле?

Я отрицательно покачала головой:

– Ей и без того довольно трудно приспособиваться к новой жизни, так что, по-моему, сейчас этого лучше не делать – или вообще никогда. В лучшем случае это ее напугает, в худшем она больше никогда не поверит ни единому моему слову. Что может быть проблемой, если ты рассчитываешь с моей помощью завоевать ее доверие.

– Верно. Тогда мы просто сыграем на слух.

– Хорошо. – Я нащупала в сумочке ключи от машины. – Послушай, может, ты дашь ей пару дней, а затем заглянешь к нам в пятницу вечером на ужин? Можно обойтись готовой едой. Купим гамбургеры, хот-доги, капустный салат – что-то в этом роде. Софи и Нола этим утром, похоже, нашли общий язык, поэтому я приглашу Софи и Чэда. В большой компании тебе будет проще найти с Нолой общий язык, – я вопросительно посмотрела на него. – Ей сейчас нелегко, Джек. Да, возможно, она трудный подросток, но мы все должны дать ей время освоиться на новом месте.

К моему великому удивлению, Джек притянул меня к себе и крепко обнял. Я примерно минуту пыталась понять, куда мне деть руки, а затем позволила им лечь на его широкие плечи.

– Спасибо, Мелли. Я знал, что ты тот человек, кто мне нужен.

Я похлопала его по спине, не зная, извлечет ли он на свет божий это ужасное слово «друг». Но мне все равно было приятно, что он обнимает меня. В конце концов я первая отстранилась от него, хотя бы потому, что объятия эти слишком хорошо напомнили мне о том, от чего я добровольно отказалась.

– Всегда пожалуйста. Я рада, что могу помочь тебе. – Прочистив горло от чего-то такого, чему у меня не нашлось названия, я добавила: – Надеюсь, за это я смогу рассчитывать на ответную любезность в будущем.

Лицо Джека прояснилось:

– Это приглашение, Мелли?

Посмотрев на небо и покачав головой, я повернулась и зашагала по Брод-стрит.
– Пора взрослеть, Джек, – бросила я ему через плечо.
Его смех сопровождал меня до тех пор, пока я не свернула за угол на Кинг-стрит.

Глава 3

Мы с Нолой стояли на Кинг-стрит рядом с антикварным магазином Тренхольмов. Находиться в окружении старинной мебели мне нравится не больше, чем бывать в больницах или на кладбищах. Потерянным душам слишком легко найти меня там. Я посмотрела на наше с ней отражение в большой зеркальной витрине: я в своем строгом темно-синем костюме от «Дольче и Габбана» и лодочках и Нола, одетая как протеже Софи, в поношенных кедах «Конверс», полосатых легинсах и коротком платье с цветочным принтом. И там, прямо за левым ее плечом, было лицо женщины. Правда, оно исчезло почти сразу, как только я его увидела. Исчезло так быстро, что на миг мне показалось, что это лишь игра воображения, если не считать ауры печали, которая пронизывала воздух и давила мне на грудь.

Глубоко вздохнув, я открыла дверь, впуская Нолу первой, а затем следом за ней вошла в магазин сама. Родители Джека стали владельцами «Антиквариатом Тренхольма» еще до его рождения. В наши дни магазин был известен не только всему Чарльстону, но уважаем во всем мире за высокое качество обслуживания и редкую антикварную мебель и предметы искусства. Даже в детстве я восхищалась их магазином, но только с тротуара, любуясь тем, что было выставлено в его больших витринах. Как бы то ни было, войдя, я тотчас услышала шелест старых юбок и еле слышное перешептывание голосов, пока я стояла, ожидая, когда мои глаза привыкнут к темному интерьеру.

– Мелани, Нола. Какой приятный сюрприз! – как всегда безукоризненно одетая, в костюме кремового цвета от «Сент-Джона», Амелия, мать Джека, вышла к нам из задней части магазина, где она ставила в массивную вазу сине-белого майсенского фарфора букет из дельфиниума и наперстянки. Она казалась такой же нежной и изящной, как и фарфор, но я знала: впечатление это обманчиво. Любой, кто воспитывал Джека Тренхольма и сумел остаться в живых, должен быть скроен из куда более прочного материала.

Окутав нас облачком «Шанель № 5», она поцеловала меня в обе щеки и повернулась к Ноле. Та, чтобы избежать объятий или любого физического контакта, демонстративно сложила на груди руки. Амелия на миг растерялась, но быстро пришла в себя.

– Вчера я прошлась по магазинам на Кинг-стрит и увидела в витрине одну вещь, перед которой не смогла устоять. Надеюсь, тебе она понравится. – С этими словами она быстро подошла к стоящему в углу итальянскому секретеру с инкрустированной столешницей и что-то с него сняла.

Увидев сумку для покупок «Палм-авеню», я внутренне съежилась. Я люблю магазины «Палм-авеню»: что плохого в розовых и зеленых принтах от «Лилли Пулитцер»? Но я, хоть ты тресни, не могла представить себе Нолу в хлопчатобумажной рубашке поло или в любом цвете из разряда пастельных.

– Твой папа сказал, что в пятницу у мисс Миддлтон будет обед, – между тем продолжила Амелия, – и я подумала, вдруг тебе захочется нарядиться во что-то новое? Мне пришлось угадать твой размер, и, как мне кажется, я не ошиблась – все-таки я профессионал в шопинге. – Она рассмеялась, и я, к своему удивлению, услышала в ее голосе нервозность. – Надеюсь, тебе понравится.

С этими словами она величественным жестом вручила Ноле пакет, словно королева, дарующая рыцарское звание.

Взяв его у нее из рук, Нола хмуро заглянула в глубины пастельных тонов. Я тотчас поняла: необходимо мое немедленное вмешательство.

– Дай его мне, – сказала я, беря пакет. – Я оставлю его у двери, чтобы мы не забыли его, когда будем уходить. – Поставив пакет у двери, я вернулась с улыбкой от уха до уха, чтобы только никто не заметил, что я стиснула зубы.

Нола между тем повернулась, чтобы рассмотреть старинное зеркало в резной раме. Вокруг ее отражения в нем тотчас начал клубиться густой туман, хотя в магазине, кроме нас, никого не было. Я посмотрела на Нолу и Амелию: интересно, заметили они или нет? Уфф, кажется, не заметили, пронесло. Шепчущие голоса вокруг меня зазвучали как будто громче. Я услышала свое имя, произнесенное несколько раз разными голосами. Как я научилась делать еще в детстве, чтобы заглушить эти звуки и дать духам понять, что я не хочу общаться с ними, я начала тихо напевать себе под нос.

Поняв, что Амелия и Нола уставились на меня, я умолкла. Нола нахмурилась:

– Это что, какая-то музыка?

Я удостоила ее взглядом, который обычно предназначался риелторам, сделавшим мне невыгодное встречное предложение.

– Конечно. «Фернандо» был одним из самых популярных синглов группы «АББА».

Нола фыркнула:

– «АББА»? Это те чуваки, что написали музыку для отстойного мюзикла *Mamma Mia*?

Ты что, состоишь в их фан-клубе или что-то в этом роде?

От необходимости ответить меня избавила Амелия:

– Не хочешь посмотреть магазин, Нола? Нам с мисс Миддлтон нужно кое о чем поговорить. Обещаю, это не займет много времени и после этого мы пойдем пообедать. Любишь пиццу?

Я взяла Амелию за руку и оттащила обратно к секретеру.

– Только если та сделана из травы и на вкус как картон.

Амелия бросила на меня недоуменный взгляд.

– Объясню позже, – сказала я, когда мы сели за ее стол. Порывшись в сумочке, я вытащила распечатку с таблицей: вся моя домашняя мебель, каждая комната – отдельная строчка или колонка. Так, например, в колонках был указан приблизительный год изготовления каждого предмета и его стоимость. В особой колонке были добавлены мои мысли о каждой вещи – например, понравилась она мне или нет. Не знаю, что подвигло меня добавить эту последнюю колонку, – наверно то, что без нее моя таблица была бы неполной. Я разложила распечатку на столе и развернула, чтобы Амелии было лучше видно.

– Софи сказала, что, прежде чем начнутся работы над фундаментом, было бы неплохо освободить дом от вещей. Я подумала, что я могла бы либо сдать все на хранение, либо вы с Софи могли бы найти несколько домашних музеев, которые согласились бы разместить у себя дома на короткое время целую комнату. Но дом нужно освободить как можно скорее.

Надев очки для чтения, Амелия уткнулась носом в мою таблицу.

– Что это? – спросила она, указывая на заголовок одной из колонок.

– Это количество времени, которое потребуется, чтобы вынести мебель, исходя из веса конкретной вещи и количества людей, которые понадобятся, чтобы спустить ее вниз и занести вверх по лестнице.

Она пристально посмотрела на меня поверх очков, но спустя пару мгновений вновь вернулась к моей таблице. Наманикюренный ноготь ее указательного пальца скользнул к другой колонке:

– А это что?

Я прищурилась, так как нехватила с собой очки, и тотчас смутилась.

– Ничего особенного. Мои личные мысли о каждом предмете мебели.

– Это случайно не имя Джека? – спросила она, поправляя на носу очки. – Шрифт такой мелкий – подозреваю, ты пыталась уместить надпись в одной строчке. Тут что-то написано про дедушкины часы в гостиной.

Я, все так же щурясь, посмотрела на указанное место в моей таблице и попыталась сделать вид, будто сама не могу прочесть примечание в ней.

– Я почти уверена, что это имя Джека, – сказала Амелия, поворачивая ко мне таблицу. – Более того, я уверена, что это так. Я права?

Загнанная в угол, я кивнула:

– Там написано: «Напоминает мне о Джеке». Именно в этих часах мы нашли алмазы конфедератов.

Амелия с легкой улыбкой посмотрела на меня.

– Понятно, – сказала она, и я испугалась, что она и в самом деле все поняла.

Мы просмотрели весь список до конца, и, когда закончили, я поняла, что Нолы нигде не видно. Я резко встала, испугавшись, что она могла уйти. Но нет, вон она, в дальнем углу выставочного зала. Она стояла ко мне спиной, как будто замороженная тем, что разглядывала. Я подошла и встала рядом с ней, Амелия встала позади меня.

– Я временно поставила его здесь, в углу, пока не придумала, где он будет лучше всего смотреться, – сказала Амелия. – Джон считает, что его следует поставить на главную витрину.

Нола сделала шаг назад, и я увидела просто гигантский кукольный домик. Он стоял на полу, но его крыша была выше головы Нолы. Это был викторианский особняк с кружевом лепных украшений, причудливыми ставнями и высокой круглой башенкой в одном углу дома, увенчанной мансардной крышей.

– Красиво, не правда ли? – спросила Амелия, встав рядом с Нолой.

Нола лишь пожала плечами, словно ей было все равно, хотя ее взгляд был прикован к дому. Мой тоже, но, как мне кажется, по другой причине. Казалось, будто края дома подрагивали, словно поверхность шоссе в знойный полдень, и, когда я шагнула ближе, чтобы лучше их разглядеть, мое лицо как будто обдало жаром.

– Мы думаем, – между тем продолжила Амелия, – что этому домику около семидесяти лет, хотя я не до конца в этом уверена. Я все еще пытаюсь установить его происхождение, в чем Джек постоянно мне помогает. Я купила этот домик здесь, в Чарльстоне, но у него было много владельцев. Почему-то люди не слишком долго держали его у себя.

Я посмотрела на домик: его края продолжали подрагивать, воздух вокруг него нагрелся и сделался удушающим. Я отпрянула назад.

– Значит, вы еще не выяснили, кто его первоначальные владельцы?

Амелия покачала головой:

– Пока нет. Знаю лишь, что у самых последних владельцев он оставался меньше года и они пожелали побыстрее его продать. Они отдали его за такую низкую цену, что меня так и тянет отправить им дополнительный чек.

Я покосилась на Нолу. Та водила указательным пальцем по изящной резьбе балюстрады парадного крыльца. Меня обдало жаром уже оттого, что я смотрела на нее, тогда как она даже не вздрогнула.

– У тебя в детстве был такой кукольный домик? – спросила я Нолу, пытаюсь вывести ее из транса, в котором она, как мне показалось, пребывала. Размытые края домика теперь потемнели, как будто вечерние сумерки окутали их темнотой. Я хотела было схватить ее за руку и оттащить назад, но не решилась. Ведь иначе мне пришлось бы объяснять свой поступок.

Подведенные глаза Нолы встретились с моими, и она опустила руку.

– Нет, – ответила она, как отрезала. Амелия посмотрела на меня, и я поняла, что она тоже это заметила. Нола отвернулась от кукольного домика и сложила на груди руки. – Это просто дурацкая детская игрушка. Я рада, что моя мать никогда не тратила деньги на подобные глупости.

Слова Нолы хлестнули Амелию, как струи холодного дождя. Она как будто обмякла под их весом. Она наверняка подумала про все те годы, когда ее внучка росла без нее, без той любви, которой она осыпала бы единственного ребенка Джека. Впрочем, ей хватило мужества улыбнуться:

– Пожалуй, ты права, Нола. Думаю, этот кукольный домик потому так часто перепродавали, что он успевал быстро наскучить маленьким девочкам, тем более что он занимал в их спальнях так много места.

Я снова посмотрела на кукольный домик – его перила и скобы уже почернели – и поняла, независимо от того, верила или нет Амелия в то, что говорила, она ошибалась: очевидно, имелась иная веская причина, почему маленькие девочки не хотели, чтобы кукольный домик оставался в их спальнях.

Мое внимание привлек шорох длинных юбок. Подняв глаза, я увидела женщину в платье в стиле ампир с высокой линией талии и пышными рукавами, сидевшую за туалетным столиком восемнадцатого века, с мраморной столешницей и трехстворчатым зеркалом. Зеленый цвет ее платья портило лишь красное пятно на лифе. Поймав на себе мой взгляд, женщина встала и направилась ко мне. Я поспешила отвернуться.

– Давайте перенесем ланч на другой раз, Амелия. Я только что вспомнила об одной встрече, – сказала я, и, взяв Нолу за руку, потащила ее к двери. – Большое спасибо за вашу помощь. Увидимся с вами и Джоном на барбекю. – Я на мгновение остановилась и, повернувшись к ней, увидела, что женщина в зеленом платье снова идет ко мне. Да и голоса теперь звучали все громче и громче. – Заходите к нам в любое время, чтобы увидеть Нолу. Мы будем всегда вам рады.

Амелия благодарно улыбнулась мне.

– Я знаю. – Она повернулась к внучке: – Надеюсь, ты не возражаешь. Я хочу, чтобы мы с тобой познакомились ближе. – Амелия шагнула вперед, явно желая обнять Нолу, но та поспешила отвернуться, сделав вид, будто этого не заметила.

Увидев у двери сумку с покупками, я сунула ее Ноле в руки.

– Амелия, спасибо за подарок. Уверена, что Ноле он понравится.

Я открыла для Нолы дверь, и та уже шагнула в нее, как вдруг остановилась и повернулась к Амелии.

– Спасибо, – медленно сказала она. – За ваш подарок.

И, коротко улыбнувшись, юркнула в дверь.

Амелия расцвела.

– Не за что, – запоздало сказала она, но Нола уже шагнула к витрине и, прижавшись лбом к стеклу, вновь уставилась на кукольный домик, делая вид, что ее внимание приковано к чему-то другому.

Я зашагала по Кинг-стрит в сторону рынка; Нола последовала за мной. До моей следующей встречи у меня оставалось почти два часа, и, хотя я бы предпочла провести утренние часы, сверяя записи в моем «БлекБерри» с двумя другими ежедневниками, которые я держала на всякий случай, я решила, что разговор с Нолой назрел.

Я повернулась к ней:

– У меня есть немного времени, и я решила показать тебе Чарльстон. Если ты не против прогуляться, мы пойдем на рынок под открытым небом. В это время года там полно туристов, но есть и кое-какие интересные местные продавцы и вещи ручной работы. Вдруг тебе что-то понравится.

Нола пожалала плечами, и я восприняла это как «да». Мы пошли дальше, мимо витрин небольших бутиков и сетевых магазинов, расположенных на Кинг-стрит. Правда, я упрямо смотрела прямо перед собой. Не хотела, чтобы меня отвлекали соблазнительные товары. Тем более что у меня имелась причина для этой долгой прогулки с Нолой.

Хотя на улице было лишь около семидесяти пяти градусов², влажность зашкаливала за девяноста процентов, и я вскоре почувствовала, как моя юбка начинает липнуть к ногам.

---

² 75 градусов по Фаренгейту – приблизительно 24 градуса по Цельсию. – Прим. переводчика.

Посмотрев на Нолу, я заметила на ее верхней губе бисеринки пота. Ее густой макияж уже потек. Я полезла в сумочку и, вытащив аккуратно сложенную салфетку, протянула ей. Нола на миг недовольно уставилась на нее, но затем взяла ее и промокнула щеки.

– Гребаная жаррища, – сказала она.

Я не стала напоминать ей, что настоящее лето еще впереди или что для здешнего климата на ней слишком много одежды. Не стала я комментировать и ее выбор слов. Это можно будет сделать и позже. Вместо этого я сказала:

– Я знаю, что ты взяла деньги из бумажника своего отца.

Ее походка не дрогнула. Она даже не смотрела на меня, но я заметила, как развернулись ее плечи, как будто она готовилась к нападению.

– И что?

По крайней мере, она не стала ничего отрицать. Но меня не напрасно воспитывал отец-военный. Несмотря на его борьбу с алкоголем, он воспитывал меня в строгом военном духе, который жив во мне до сих пор.

– Это называется воровство. Есть две вещи, которые я не потерплю, это воровство и ложь. Не делай этого больше никогда. Ты меня поняла?

Нола ничего не сказала, и когда я остановилась, остановилась и она.

– Ты меня поняла? – снова спросила я.

Она встретилась со мной взглядом, чего я никак не ожидала, и ответила:

– Да. Поняла. – В ее словах все еще звучал вызов, но также и некое облегчение. – Деньги у меня под подушкой. Я их верну.

Мне показалось, что она хотела добавить что-то еще, но нет.

– Хорошо, – сказала я, и мы пошли дальше. – Я рада, что мы понимаем друг друга.

Я знала, что разговор еще не закончен, как и то, что я сама была не готова его продолжать. И если я хотела понять причину, почему она взяла деньги, похоже, мне придется подождать. За этим крылось нечто большее, чем обычное воровство. Я поняла это, когда она встретилась со мной взглядом и сказала правду. В тот момент она до боли напомнила мне меня в юности, и я просто не могла не дать ей второй шанс.

Наконец мы с ней дошли до знаменитого чарльстонского рынка под открытым небом, что простирался между Митинг-стрит и Ист-Бэй. Здесь под тентами и навесами тянулись бесконечные столы, заваленные товарами для толп туристов в пестрых футболках. Ядреный дух лошадиного пота и навоза из ближайших конюшен, где стояли конные экипажи для туристов, смешивался в воздухе с ароматами готовящейся пищи, напоминая новых соседей, которые пытаются поближе узнать друг друга.

Поговаривали, что в свое время на этом рынке с аукциона продавали рабов, но, вообще-то, это была просто байка, рассчитанная на туристов. На самом деле в конце восемнадцатого века эта земля была отведена под продовольственный рынок, и, хотя ассортимент товаров с годами менялся, назначение рынка не изменилось. Но я старалась по возможности избегать это место, потому что, был тут невольничий рынок или нет, оно буквально кишело призраками чарльстонцев как далекого прошлого, так и недавнего настоящего.

Мы медленно проталкивались сквозь толпы людей, пока Нола не остановилась у прилавка с традиционными корзинами из так называемой сладкой травы. В кресле за столом сидела женщина, чья черная кожа была обожжена солнцем до цвета угля, и на старинный манер, передаваемый поколениями женщин в ее семье, плела корзину. Рядом с ней сидела женщина средних лет, внимательно наблюдавшая за покупателями. Нола взяла крошечную корзинку, чуть больше моей ладони, и подняла ее, чтобы лучше рассмотреть причудливо сплетенные стебли сладкой травы. Корзинка была сделана столь искусно, что начало и конец каждого стебля исчезали в бесшовном переплетении.

Я улыбнулась обеим женщинам и повернулась к Ноле:

– Красиво, не правда ли? Эти корзины – часть исторического наследия местной этнической группы гулла, потомков рабов, привезенных из Западной Африки. Доктор Уоллен даже возит своих студентов на остров Эдисто, чтобы те узнали, как их делают. По ее словам, между изготовлением этих корзин и восстановлением старых домов в городе существует прямая связь. Я понятия не имею, что она имеет в виду, но я действительно обожаю эти корзинки.

Нола неохотно положила корзинку, чтобы пойти дальше. В очередной раз обратив внимание на жуткое состояние ее рюкзака и потертую резину кроссовок «Конверс», я вполне резонно предположила, что у нее мало денег. Движимая импульсивным порывом, поскольку я редко что-либо делаю без предварительного планирования, я взяла корзинку и протянула ее женщине помоложе:

– Сколько это стоит?

– Семьдесят пять долларов, – ответила та, вставая. – Ручная работа.

Цена была высока. Нола даже негромко ахнула, из чего я поняла, что она тоже так думает. Но я решила, что любой ребенок, которому хватило храбрости сесть в автобус и проехать из конца в конец через всю страну, чтобы жить с незнакомыми людьми, нуждается в чем-то таком, что он может назвать своим.

– Я беру, – сказала я, вытаскивая из сумочки бумажник. Женщина быстро отбила чек и положила корзинку в простой белый бумажный пакет, который протянула Ноле.

Но та сложила руки на груди, прижимая к себе пакет с одеждой из «Палм-авеню».

– Это не мое, – запротестовала она.

– Я купила ее для тебя, – сказал я, беря у нее пакет и вложив ей в руки другой, с корзинкой. – Добро пожаловать в Южную Каролину. Кроме того, – добавила я, отводя ее от прилавка, – я заставлю твоего отца вернуть мне деньги.

Я подмигнула ей и, удостоившись в ответ скупой улыбки, зашагала дальше.

Мы миновали прилавки с украшениями из бисера, домашней парфюмерией, венками из прутьев и сушеной болотной травы и вручную расфасованными пакетиками с цукатами из pekanового ореха с арахисовой посыпкой. Как неисправимая любительница всего сладкого, я купила один пакетик и протянула его Ноле. Та покачала головой:

– Спасибо, не надо. Там внутри наверняка настоящие яйца и куча сахара.

Я откусила арахисовую посыпку, смакуя на языке ее сладость.

– А вот я очень на это надеюсь.

– И как только ты можешь загрязнять этой гадостью свой организм? – спросила Нола с нескрываемым отвращением, когда я проглотила еще один кусочек.

– Очень легко, спасибо, – с улыбкой ответила я.

Между тем Нола остановилась у прилавка с резными фигурками животных. Я же решила задать следующий вопрос.

– Почему ты взяла деньги из кошелька? – осторожно спросила я.

Она взяла фигурку спящего кота и поднесла ближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть.

– Мне нужно было кое-что купить.

– Ты же знаешь, что всегда можешь попросить денег у отца, верно? Не говори ему, что я так сказала, но, по-моему, он довольно разумный и справедливый человек. Даже если и не сразу, но он прислушается.

Нола продолжала рассматривать кошку – вертела ее так и этак, гладила пальцами темное дерево.

– Знаю. – Избегая смотреть мне в глаза, она осторожно вернула кошку на стол. – Проблема не в этом.

Я недоуменно нахмурилась, пока не увидела на ее щеках пунцовые пятна.

– А-а, – сказала я, не зная, как продолжить. – Тебе нужны были... женские штуки?

Она коротко кивнула и пожалала плечами. Взяв ее за локоть, я осторожно отвела ее от стола.

– Думаю, он бы понял, Нола. Он не такой невежественный, как ты думаешь.

Мои слова вызвали на ее губах очередную, едва заметную улыбку. Тем не менее она так и не решилась посмотреть мне в глаза, лишь повернулась и зашагала в направлении, откуда мы шли. Я поплелась за ней следом.

– Он твой отец, Нола, – не унималась я. – Даже если тебе неловко просить у него денег, это лучше, чем воровать.

Она застыла на месте так внезапно, что я едва не налетела на нее.

Ее рука, сжимавшая оба пакета, стала почти белой.

– У моей матери никогда не было денег на такие вещи, поэтому раз в месяц я ездила на автобусе в соседний город и воровала там все, что нам было нужно. Мне казалось, что на этот раз будет лучше, если я заплачу за покупку.

Она повернулась и зашагала дальше.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу, а когда дошел, она уже ушла вперед и я была вынуждена ковылять на высоких каблуках, догоняя ее.

– Послушай, Нола. Пойдем в аптеку и купим все, что тебе нужно, хорошо? Даже макияж. Но не проси меня купить тебе черную подводку для глаз. У тебя такие красивые голубые глаза, но их никто не увидит, если ты будешь старательно обводить их.

Она прищурилась и надула губы. Я уже научилась воспринимать эту гримасу как вызов и перебила ее, прежде чем она успела мне возразить.

– Ты можешь оставить красную помаду, если хочешь. Главное, избавься от черного карандаша для глаз. – Вопрос красной помады и нескольких сережек в ухе я мудро решила отложить на потом.

Когда она заговорила, выражение ее лица не изменилось:

– Если ты не пытаешься заарканить Джека, то почему ты так добра ко мне?

Ее вопрос наводил на самые разные мысли – например, почему она называет отца по имени и откуда у такой малолетки столь обширные познания о поведении взрослых?

Я глубоко вздохнула и смело посмотрела ей в глаза:

– Потому что ты напоминаешь мне одного человека, которого я когда-то знала. – Прежде чем она успела спросить, кого именно, я зашагала дальше. – Пойдем. Магазин недалеко отсюда.

Она пожала плечами и зашагала рядом со мной. Мы молча шли несколько кварталов, прежде чем она заговорила снова:

– Мелли?

Я даже не удивилась, что она не только назвала меня по имени, но и использовала его уменьшительную форму. Куда важнее было то, что она впервые обратилась ко мне напрямую.

– Да? – ответила я, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Спасибо.

– Не за что, – сказала я, не давая губам расплыться в широкой улыбке. Когда же я обернулась, чтобы посмотреть на нее, то поймала в витрине магазина, мимо которого мы проходили, не только наши с ней отражения, но и явственный образ третьей женщины, идущей за нами следом. Застыв на месте, я обернулась – и ничего не увидела.

Глава 4

Не успела я закончить обсуждать с миссис Хулихан меню для вечернего барбекю, включавшее в себя бургеры с начинкой из тофу и запеченные бобы без бекона, которые следовало подать на отдельном столе, чтобы ничего не подозревающие гости их случайно не съели, когда в заднюю дверь кухни раздался стук.

Я встала и вместе с порывом горячего воздуха выпустила мою мать. Несмотря на жару, на ней не было и бисеринки пота и она источала аромат цветов. Она напоминала мне более утонченную версию Долли Партон – те же самые завидные телесные формы, – но только брюнетки. Не будь я, кроме фигуры, точной ее копией почти во всех отношениях, включая нашу способность общаться с ушедшими в мир иной, я бы точно сдала тест на ДНК.

Она расцеловала меня в обе щеки, и в этот миг я заметила в ее волосах желтую розу.

– Красивый цветок, – сказала я, закрыв дверь, и повела ее за собой. Миссис Хулихан зорко оберегала свои владения, и, когда приступала к работе, путаться у нее под ногами было себе дороже. Генерал Ли остался лежать на подстилке в углу, умильно глядя на мою экономку в надежде получить лишний кусочек.

– Спасибо. Утренний подарок от твоего отца из его сада.

Я не стала спрашивать у нее, что мой отец делал у нее дома ранним утром, я действительно не хотела это знать. Хотя они были разведены и уже более тридцати лет жили порознь, их робкий новый роман мог бы показаться очаровательным, если бы не тот факт, что они были моими родителями.

– Ты ожидаешь на чай женщин из Исторического общества? Или кого-то еще? – спросила моя мать, следуя за мной в гостиную.

Я села на диван, а моя мать – напротив меня в кресло в стиле королевы Анны.

– Нет, почему ты спрашиваешь? – Я начала наливать нам кофе. Миссис Хулихан заранее принесла в гостиную поднос с кофейником, пока я, сидя за столом моей бабушки, занималась документами. Кстати, Амелия нашла этот стол на аукционе, и моя мать отдала его мне. Как же приятно было сидеть за ним, перебирать почту или оплачивать счета, ощущая рядом присутствие моей любимой бабушки! Впрочем, ее вечные телефонные звонки никогда не давали мне почувствовать, что мы с ней далеки друг от друга.

Прежде чем ответить, мать критическим взглядом окинула мои шпильки, белое льняное платье и бабушкин жемчуг.

– Ты собралась в этом на барбекю?

Я вручила ей чашку черного кофе на блюдце. Затем, положив в свою чашку четыре кусочка сахара, я наполнила ее ароматным напитком, не забыв при этом оставить достаточно места для сливок.

– А что не так с моим нарядом? Подол ведь, кажется, не болтается?

Она закрыла глаза и покачала головой:

– Разве у тебя нет, скажем, пары обтягивающих джинсов или что-то в этом роде? Что-то такое, в чем ты выглядела бы моложе и... чуть сексуальнее?

Я попыталась сделать вид, что не заметила, что моя мать произнесла слово «сексуальнее», более того, что оно было адресовано мне. Внезапно дом содрогнулся, как будто от удара, затем последовали два хлопка дверью и гул воды, бегущей по старым трубам.

Я слегка повысила голос, чтобы она меня услышала:

– Зачем мне выглядеть сексуальнее на заднем дворе моего дома?

Брови матери поползли вверх.

– Что такое? – Я и вправду понятия не имела, к чему она клонит.

– Разве Джек не придет сегодня вечером?

Я притворилась, будто мой пульс не пропустил удар при упоминании его имени.

– Конечно, будет. Эта вечеринка устраивается для его дочери. Но какое это имеет отношение к тому, в чем я там буду?

Она вновь закрыла глаза, словно вызывая божественное вмешательство.

– Мелли, дорогая, говорю тебе: Джек будет только рад увидеть тебя в симпатичных джинсах. Особенно если он приведет на барбекю Ребекку.

Моя рука с кофейной чашкой замерла на полпути ко рту. Я даже разглядела легкую рябь на поверхности кофе, вызванную доносящимся сверху грохотом. Осторожно поставив чашку на блюдце, я откинулась на спинку дивана.

– Мама, если ты не заметила, Джек встречается с Ребеккой. Не со мной.

– Да, но, как поется в песне, «люби ту, с кем ты сейчас». Если хочешь знать мое мнение, она – его второй выбор, поэтому что ты слишком заиклена на работе и отказываешься замечать, что вы двое просто созданы друг для друга. Честное слово, Мелли. Пора ради разнообразия прислушаться к своему сердцу.

Я пристально посмотрела на нее:

– Ты разговаривала с бабушкой?

– Нет, почему ты спрашиваешь?..

– Потому что она позвонила на этой неделе и сказала мне то же самое. – Я решила не упоминать, что как раз перед тем, как зазвонил телефон, мне снился Джек.

– Отлично. Тогда, может быть, ты прислушаешься.

– Мама, ты знаешь не хуже меня: мы с Джеком просто не можем быть долго вместе, иначе один из нас убьет другого. – Стук наверху напомнил мне еще об одной причине. Прежде чем она успела возразить, я продолжила: – Я попросила тебя сегодня утром прийти ко мне, потому что у меня к тебе просьба. – При этих словах я вкрадчиво улыбнулась ей. – Я должна примерно на три месяца, пока ремонтируется фундамент моего дома, куда-то переехать, и я подумала, что, может, тыпустишь меня пожить у тебя.

Судя по ее лицу, она искренне обрадовалась.

– Милая, ты же знаешь, тебе даже не нужно спрашивать. Мы с твоим отцом будем только рады, чтобы ты пожила у нас.

Не став заострять внимания на словах «мы с отцом», я перешла прямо к следующей части просьбы:

– Правда, я не одна. Надеюсь, это не будет проблемой.

– Нет, конечно. Можешь взять с собой твоего очаровательного Генерала Ли. Он – часть семьи.

Я продолжала улыбаться. Между тем шум наверху усилился. Дверь ванной, а за ней дверь спальни шумно распахнулись, затем с грохотом захлопнулись.

– Что это, Мелли?

Моя улыбка как будто застыла. Правда, удивительно, что при этом я не клацнула зубами. Три дня под одной крышей с девочкой-подростком породили у меня ощущение, будто меня переехал грузовик и оставил валяться посередине дороги. Мы уже перешли этап общения вежливых незнакомцев и теперь проверяли границы, как будто пробовали булавкой на прочность воздушный шарик.

– Это Эммалин Амелия Петтигрю. Но ее обычно называют Нолой, она дочь Джека.

Левая бровь матери поползла вверх на манер киношной Скарлетт О’Хара:

– Понятно. Амелия рассказывала мне о ней. И она живет у тебя, потому что...

– Потому что они с Джеком по-прежнему продолжают бодаться. Похоже, мать Нола сказала ей, что Джек бросил их, и она ей поверила. – Я исподтишка покосилась в сторону, в фойе, опасаясь, что Нола подкрадет и все услышит. – Я все расскажу тебе позже. Но пока Нола со

мною, и куда иду я, туда и она. – Я оживилась. – К тому же ты всегда говоришь о том, что тебе жаль, что ты не была со мной в мои подростковые годы. Теперь у тебя будет такой шанс.

Моя мать промокнула уголки рта льняной салфеткой и встала.

– Мы с тобой имели дело со злыми духами и мстительными призраками. И уж точно справимся с одной девочкой-подростком.

В следующий миг двери со стуком распахнулись снова и раздался звук включенного фена. Я быстро вышла в фойе и подняла голову на лестничную площадку.

– Ты там осторожнее с пробками! – крикнула я. – На всякий случай выруби стереосистему...

Свет один раз мигнул, а затем и вообще погас – к счастью, вместе с грохотом стереосистемы. Хотя я только что купила ее для Нолы, у меня была надежда, что она больше не подлежит ремонту.

– Дерьмо! Что за...

– Нола! – я крикнула в ответ. – У нас тут гости!

Моей матери следует воздать должное: она даже не вздрогнула. Вместо этого она шагнула мимо меня и встала на нижнюю ступеньку лестницы.

– Нола? Привет! Это миссис Миддлтон, мать Мелани. Я с нетерпением жду, когда мы с тобой познакомимся, но только когда ты будешь в лучшем настроении. А пока, будь добра, спустись вниз, чтобы Мелани показала тебе, как заменить предохранитель. Что-то подсказывает мне, что этот навык тебе еще понадобится.

С довольной улыбкой она вернулась в фойе – как раз в тот момент, когда миссис Хулихан высунула голову из кухонной двери.

– Кто-то выбил пробки, и у меня пропало электричество. Вам помочь с новыми?

– Спасибо, – сказала я, – но мы справимся сами.

– Главное, сделайте это побыстрее, – сказала старая экономка. – Иначе я не успею запечь бобы.

Я снова посмотрела на мать, но ее взгляд был прикован к чему-то за моей спиной. Я обернулась. Странно, кто-то прислонил футляр гитары моей гостьи к балясине лестницы. Я могла поклясться, что раньше его там не было.

– Что это?

Я заметила на футляре наклейку с надписью N'awlins, но мне все было ясно и без этого.

– Раньше это была гитара Бонни, матери Нолы, но теперь по наследству перешла ей. Хотя, по словам Джека, она не сыграет ни одной ноты.

Мать нахмурила брови, и между ними образовались две морщинки.

– Тогда что она делает здесь?

– Мы с Нолой задаем тот же самый вопрос. Иногда она просыпается с гитарой в своей постели, в других случаях инструмент просто появляется в случайных местах по всему дому, как будто выставляет себя напоказ.

– Может, Бонни пытается тебе что-то сказать?

– Может быть, – сказала я, избегая смотреть ей в глаза. – Я не пыталась связаться с ней, поэтому не уверена, но да, это очень даже вероятно. – В отличие от моей матери, я предпочитала не трогать спящих духов. Не в моих привычках будить их и просить выйти на свет. В детстве я постоянно терпела насмешки за мой особый «дар» и всю мою взрослую жизнь пыталась его скрывать. И сейчас, в тридцать девять лет, я не видела причин менять мой образ жизни. Изменить его – значит превратить мою жизнь в хаос.

Наши взгляды встретились, и, похоже, мать все поняла.

– Ты еще не сказала ей, верно?

Я вздохнула:

– О том, что ее мать, возможно, все еще здесь или о моей способности говорить с мертвыми? – Я отрицательно покачала головой: – Не думаю, что она готова это услышать. У нее и так полно проблем с доверием. Сомневаюсь, что она поверит мне, если я ей скажу: «Привет, Нола. Я наяву вижу мертвых людей!»

– Пожалуй, ты права, но в конечном итоге тебе все равно придется ей сказать. И тебе нужно найти способ поговорить с Бонни – или кто бы это ни был – и выяснить, почему она все еще здесь. – Моя мать шагнула к гитарному футляру. – Давай я положу на него руку, если ты думаешь, что это поможет.

Я схватила ее за руку, удерживая на месте. Мать обладала редкой способностью общаться с духами, касаясь связанных с ними предметов, правда, порой с катастрофическими последствиями. В моих глазах ее вмешательство было крайней мерой.

– Вряд ли в этом есть необходимость. Наверно, Бонни просто бродит где-то поблизости, желая убедиться, что с Нолой на новом месте все в порядке. Давай лучше подождем и посмотрим, что будет дальше.

Мать пронзительно посмотрела на меня – подозреваю, этот взгляд все матери приобретают во время родов. Внутренне вздрогнув, я постаралась не рухнуть с моих шпилек от «Валентино».

– После барбекю сегодня вечером я еду к Кэролайн Лейн. Ее сестра умерла прошлой осенью, оставив кое-какие незавершенные дела, которые миссис Лейн хотела бы уладить, чтобы ее сестра могла упокоиться с миром. Если хочешь, поехали со мной.

– Мама, пожалуйста. Ты же знаешь, я чувствую себя в такие минуты как цирковой тюлень. И что подумают мои клиенты, если узнают? Меня перестанут воспринимать всерьез.

Сверху раздался пронзительный визг, за которым последовали быстрые шаги, и дверь распахнулась.

Снова.

– Хватит трогать мою долбаную гитару! Куда вы дели ее на этот раз?

Мне жуть как не хотелось кричать в собственном доме, и я подошла к первой ступеньке лестницы.

– Я отдам ее тебе после того, как ты поможешь мне заменить пробки.

Вместо ответа я услышала, как со стуком захлопнулась дверь.

– Кто-то должен поговорить с ней о ее лексиконе.

– Знаю, мама. Но пока рано это делать... она еще не отошла от травмы прошлого месяца.

Мы с этим разберемся.

Я направилась с матерью к входной двери. На пороге она остановилась.

– Мне нужно выполнить несколько поручений, да и у тебя наверняка есть свои дела, так что заезжай за мной в час дня, договорились?

Услышав ее слова, я нахмурилась:

– Зачем?

– Чтобы купить тебе хорошие джинсы. Возьми с собой Нолу. Амелия сказала мне, что купила ей кое-что из одежды в «Палм-авеню», но не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться, что Нола не наденет большую часть этих покупок. Мы можем вернуть то, что не подойдет, и, надеюсь, найдем что-то другое, с чем мы все согласимся. Амелия поймет.

Спорить бесполезно.

– Как скажешь, – ответила я и тотчас невольно поежилась, поймав себя на том, что начинаю говорить совсем как Нола, хотя с момента нашего знакомства прошло всего три дня. Интересно, после трех месяцев жизни с ней под одной крышей буду я проклинать пристрастия Софи в одежде или восхищаться ими? При этой мысли я вздрогнула.

– Замечательно. Договорились. Увидимся в час дня.

Мать поцеловала меня в обе щеки и, цокая каблуками по черно-белой мраморной плитке, прошла через веранду на выход.

* * *

С горшком настоящих запеченных бобов в руках я направлялась к одному из накрытых в саду столиков, когда позади меня кто-то негромко свистнул. Я обернулась. Джек развалился в кресле с банкой безалкогольного пива, стоявшей на столе перед ним. Повернувшись к нему спиной, я поставила горшок и принялась расставлять цветы, которые отец принес по этому случаю.

– Что? Никогда не видел раньше печеных бобов?

Джек покачал головой:

– Только не в придачу к такой прекрасной паре джинсов, это точно.

Впрочем, его лицо мгновенно посерьезнело, как только позади меня открылась кухонная дверь и в сад шагнула Ребекка Эджертон – этакое видение в розовом: розовые шорты, розовый свитер в тон и розовая лента на светлых волосах. За ее спиной стояла мятежная Нола.

Джек встал и робко улыбнулся дочери и Ребекке, явно не зная, стоит ли ему опоясывать чресла. Я пару секунд смотрела на Нолу, пытаюсь примирить увиденное с тем, что уже знала о ней. На ней были кроссовки «Конверс» с зелеными неоновыми шнурками и такие же ядовито-зеленые носки, доходившие почти до середины голени на ее длинных, тощих ногах. Выше располагалась джинсовая юбка, которую я узнала из нашей дневной поездки по магазинам, но с драным краем, которого, я была уверена, не было, когда ее покупали. Ее новая белоснежная блузка от «Лилли Пулитцер» выглядела так, как будто ее ошибочно принял за стену в метро какой-нибудь граффити-художник со склонностью к пацификам. Ради разнообразия подводка для глаз была на сей раз менее жирной, чего нельзя было сказать о красной губной помаде. Но главной фишкой этого ансамбля была розовая лента на голове, удивительно похожая на ленту Ребекки. Она удерживала ее темные волосы, подчеркивая правильные черты лица и его неприветливое выражение.

Софи, занятая тем, что выкладывала на поднос свои безвкусные, без яйца и сахара, лимонные батончики, обернулась на нее и в ужасе прошептала:

– Только не это!

Нола встала перед отцом и, сложив на груди руки, одарила его колючим взглядом. Ребекка обняла Джека за талию.

– Разве она не прелесть? Розовый действительно ее цвет – ты согласен?

– Просто прелесть, – ответил Джек, избегая поцелуя Ребекки, для чего подставил ей вместо губ щеку. – Это твой подарок?

Нола удостоила его взглядом в духе «ты самый забывчивый чувак на планете». Я внутренне напряглась, приготовившись к худшему, но тут к нам подошла Софи.

– Привет, Нола. Ты должна попробовать мои лимонные батончики. Они полностью веганские и очень вкусные, если ты позволишь мне похвалить себя. – С этими словами она нежно обняла Нолу за плечи. Когда же они проходили мимо меня, я услышала, как она шепнула ей на ухо: – Как только она отвернется, можешь выбросить эту штуку в фонтан.

Лицо Нолы озарилось искренней улыбкой. Я приготовилась одними губами сказать Софи «спасибо», когда увидела на плече Нолы ее левую руку. Вернее, маленький сверкающий бриллиант на ее безымянном пальце, если говорить конкретно.

– Софи? Что это за кольцо? – Мой вопрос прозвучал гораздо громче, чем мне хотелось. Все разговоры тотчас смолкли.

Чэд, коллега Софи по колледжу Чарльстона и, как я привыкла думать, ее «платонический сосед», который в данный момент бросал теннисный мяч Генералу Ли, мгновенно обернулся

и посмотрел широко раскрытыми, невинными глазами. Значит, не такой и платонический, решила я.

Софи спрятала руки за спиной, но, увы, слишком поздно. Моя мать бросилась мимо меня вперед и протянула руки к Софи:

– Дай мне взглянуть, дай мне взглянуть!

– Вы помолвлены? – спросила я, удивленная и слегка обиженная, что она не призналась мне раньше. Я считала Софи Уоллен своей лучшей подругой и поэтому ожидала, что у нее не будет от меня никаких секретов.

Виновато посмотрев на меня, она подняла левую руку, чтобы показать маме круглый бриллиант в старинной платиновой оправе. Кольцо смотрелось чуть более старомодно, чем, как мне казалось, предпочла бы сама Софи, но все равно было прекрасным. Оно ярко переливалось. И, главное, было абсолютно неожиданным. Я была ужасно рада за нее – да-да, была. Вот только я никак не могла смириться с тем фактом, что отныне это будут Софи и Чэд, а не только Софи и я.

Чэд подошел к своей невесте. Все остальные сгрудились вокруг счастливой пары, оттеснив меня назад. Стоя за чужими спинами, я слушала его рассказ о том, как он сделал ей предложение, когда они вместе проверяли кладки яиц морских черепах на острове Пальм.

– Они как будто созданы друг для друга, – раздался рядом со мной чей-то голос.

Вздвигнув, я подняла глаза и увидела смуглое, красивое лицо Марка Лонго. Мы с ним недолго встречались год назад, пока я не узнала, что он лгал мне, рассчитывая получить доступ к алмазам конфедератов, спрятанным в унаследованном мною доме на Трэдд-стрит. Хотя он после этого извинился передо мной и даже попытался наладить отношения – чему, без сомнения, способствовал удар в челюсть со стороны Джека, – я сомневалась, что смогу снова ему доверять, независимо от того, насколько искренним он казался. Не помогало и то, что Джек его терпеть не мог и при первой же возможности не забывал напомнить Марку об этом. Впрочем, чувство это было взаимным.

– Марк, – сказала я, подставляя для поцелуя щеку. – Рада тебя видеть. – Я пристально посмотрела на него, не зная, как спросить, что он здесь забыл. Его точно не было в моем коротком списке приглашенных.

– Меня пригласила твоя мать, – ответил он, как будто прочел мои мысли. – Сказала, что, мол, здесь будет слишком много женщин и я нужен ей для ровного счета.

Я посмотрела на мою мать. Та тотчас сделала вид, будто не замечает меня или Марка, и вместо этого притворилась, будто внимательно слушает, как Софи и Чэд делятся своими идеями относительно свадебных торжеств. Я уловила слова «босиком» и «конопля», но меня отвлекла рука Марка, которая в данный момент крепко сжимала мою.

– Как тебе эта идея? Нравится?

Поняв, что Марк обращается ко мне, я посмотрела на него:

– Извини, что ты сказал?

– Я сказал, что собираюсь устроить вечеринку в моем пляжном домике, чтобы отпраздновать День штата Каролина. Я надеялся, что ты придешь и выступишь в роли хозяйки.

– Я почти уверен, что она будет занята в этот вечер, – вмешался в наш разговор Джек, шагнув из-за моей спины. – Тем более что это ее день рождения. – Он широко улыбнулся и протянул Марку руку: – Мэтью, верно?

К моему удивлению, Марк ответил крепким рукопожатием.

– А, знаменитый Джек Тренхольм! Как всегда, очень приятно.

Сбитая с толку его приветливыми словами, я пристально посмотрела на Марка. Почему-то он напомнил мне кота, стоящего рядом с пустой миской из-под сметаны.

– О, спасибо, Мэтт. Не скажу, что я чувствую то же самое, тем не менее я тронут. – Джек окинул взглядом безупречно сшитые рубашку и брюки Марка, его темно-коричневые

итальянские мокасины. – Заглянул по дороге в оперу? Не хотелось бы, чтобы ты из-за нас опоздал.

– Вообще-то, нет. Я здесь надолго. Меня пригласила миссис Миддлтон, хотя мне хотелось бы думать, что мы с Мелани старые друзья и мне не требуется приглашения. – Вместо того чтобы попытаться хоть как-то разрядить ситуацию, он сжал мою руку. Скажу честно: я была несказанно рада, когда он наконец ее отпустил.

– Так когда же выйдет следующий международный бестселлер, Джек? Или это тщательно охраняемый секрет? – спросил Марк.

И вновь я не смогла разгадать, что у него на уме. Обычно я чувствовала, что мне пора встать между Марком и Джеком и предотвратить драку, но сегодня Марк, похоже, был искренне заинтересован услышать его ответ. Вряд ли он мог знать, что для Джека это большая тема. Хотя первоначально его редактор и агент были в восторге от книги о спрятанных бриллиантах конфедератов и таинственном исчезновении бывшего жителя моего дома на Трэдд-стрит, они внезапно перестали отвечать на его телефонные звонки.

– Спасибо, что спросил, Мэтт. Но я не любитель смешивать бизнес с отдыхом, поэтому я избавлю Мелани от скучных деталей и вместо этого провожу ее к Ноле, которая спрашивает, веганский этот пирог или нет и можно ли ей взять кусочек.

Джек потянул меня за руку, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Я помахала рукой и краем глаза заметила, что к Марку шагает Ребекка и ее взгляд устремлен на меня и Джека.

– Напомни мне, что я должен поговорить с твоей матерью, – шепнул Джек мне на ухо. – Здесь моя дочь, и я не хочу, чтобы она подвергалась воздействию таких низших биологических форм.

Мы оба обернулись на Нолу. Та стояла между Софи и Чэдом. Розовая повязка на голове была давно сброшена, скорее всего, в фонтан позади нее. Софи и Чэд были в одинаковых стеганых жилетах, волосы заплетены в косичку, на шее по несколько сплетенных из конопли ожерелий. Не знаю я эту троицу, наткнись я случайно на них в темном переулке, я бы поспешила перейти в другую сторону.

– Отлично тебя понимаю, – сказала я, но на сей раз Джек, похоже, не уловил мой сарказм. Я обвела взглядом нашу небольшую компанию.

– Кстати, а где твои родители? Они сказали, что будут здесь.

Джек не сразу понял, что мой вопрос адресован ему.

– Не знаю, – ответил он, пожимая плечами. – Уверен, они уже в пути. Моя мать упомянула о каком-то подарке для Нолы. Может, они задержались из-за него.

По моей спине пробежал холодок, как будто к ней прикоснулись чьи-то ледяные пальцы. Несмотря на жару, я вздрогнула. И тотчас посмотрел на Джека – хотела проверить, заметил он или нет, но его хмурый взгляд был устремлен на Ребекку и Марка. Последний поднял голову и, увидев нас, вновь улыбнулся фальшивой улыбкой. Джек мгновенно напрягся.

– Мелани? – раздался у меня за спиной голос Софи.

Я с улыбкой повернулась к ней.

– Поздравляю с помолвкой, – сказала я, стараясь не выдать лед в моем голосе. – Так когда ты собиралась рассказать мне? После рождения третьего ребенка?

– Послушай, Мелани, честное слово, извини. Просто я не знала, как ты это воспримешь. Я все время пыталась придумать, как мне тебе рассказать, но тут меня, как назло, застучали с этим кольцом.

– Тогда зачем было его надевать?

– А почему нет? – пискнула Нола. В считанные дни она превратилась в новый придаток Софи. Теперь эти двое даже носили одинаковые косички.

– Потому что, – объяснила я, – лучшие подруги сначала рассказывают друг другу.

Нола посмотрела на небо, словно ждала, что оттуда ей поступит совет, как ей обращаться с невероятно глупыми взрослыми.

– Да, но, скорее всего, она опасалась говорить тебе, что собирается замуж, зная, сколько тебе лет, что ты до сих пор не замужем и у тебя даже нет парня.

Мне хватило ума мысленно отколоть от моих губ лед.

– Спасибо, Нола, за это наблюдение. К твоему сведению, мне всего тридцать девять. Мне еще рано в дом престарелых.

Нола взвизгнула и прикрыла руками рот:

– О, МОЙ БОГ! Я не знала, что ты такая старая! Практически ходячий труп.

Не сумев найти ответ, который бы не предполагал физических действий с моей стороны, я резко обернулась и столкнулась с матерью.

– Мелли, вот тебя-то я и ищу! Как ты смотришь на то, чтобы нам отпраздновать твой сороковой день рождения здесь? Твой сад – идеальное место для приема гостей, а твой отец сказал, что мог бы начать работу над планом в самое ближайшее время.

Я была готова сквозь землю провалиться. В глазах внезапно защемило. Не знаю, то ли из-за слов Нола, которая, кстати, была недалеко от истины, то ли из-за того, что моя мать сговорила с Софи, Нолой и, похоже, со всем остальным миром, чтобы я почувствовала себя вечно одинокой старой девой. Я хотела сказать ей, что это ее вина, что это она, бросив меня, сделала из меня старую деву. Но я опасалась, что стоит мне открыть рот, как я разревусь.

Внезапно мое внимание привлек какой-то шум у садовой калитки. Я обернулась и с удивлением увидела, что по кирпичной дорожке медленно приближаются двое мужчин в шляпах с надписью «Антикварный магазин Тренхольмов» и форменных рубашках. И не с пустыми руками, а тащат поддон с чем-то высоким и громоздким, упрятым под стеганный брезент.

За ними, широко улыбаясь, шествовали родители Джека, Амелия и Джон Тренхольм. Я шагнула им навстречу и поцеловала каждого в щеку.

– Ого! Даже не представляю, что это может быть.

Слова застряли у меня в горле, стоило мне ощутить запах расплавленной смолы и пепла. Края брезента как будто расплавились и превратились в длинные резиновые пальцы. На моих глазах мужчины опустили поддон на землю и медленно стащили брезент. *Не надо!* – крикнул кто-то. Увы, этот крик раздался в моей голове, и его никто больше не слышал. Я открыла была рот, чтобы сказать «Стойте!», но опоздала. Словно в некоем странном бурлеске, брезент дюйм за дюймом соскальзывал вниз, обнажив башню кукольного дома.

– Какая красота, – прошептала Софи рядом со мной, но я едва слышала ее, пытаюсь не задохнуться от зловония горящей смолы.

– Этот дом кажется мне знакомым, – продолжила она. – Похоже, это уменьшенная копия какого-то настоящего дома.

Амелия покачала головой:

– Понятия не имею. У него было много владельцев, так что, скорее всего, он даже не родом из Чарльстона. Думаю, это можно выяснить. Джек – мастер исторических изысканий.

Все обступили кукольный домик, чтобы полюбоваться им, но, увидев, что к нему идут Джек и Нола, отошли назад. Было видно, что Нола изо всех сил пытается сделать вид, будто ей наплевать, что в нежном возрасте тринадцати лет ей подарили ее первый кукольный домик или что вообще это один из немногих подарков, какие она получала за всю свою жизнь. Но я видела ее глаза, и это были глаза той, что не ждала от жизни ничего хорошего, но вдруг узнала, что хорошее все же возможно.

Почувствовав на себе взгляд матери, я повернула голову. Ее глаза были задумчиво прищурены, и я поняла: как и я, она ощутила в вечернем воздухе едкий запах гари. Она шагнула вперед и, прежде чем я успела ее остановить, протянула руку к завитку карниза. Воздух мгновенно пронзил крик.

Глава 5

Стоя в дверях комнаты Нола, я наблюдала за тем, как она аккуратно разворачивает из старой газеты игрушечные фигурки и одну за другой ставит их на веранду кукольного домика. Там были игрушечные отец, мать, старший брат и младшая сестра. Все светловолосые и голубоглазые, за исключением дочери, чьи каштановые волосы падали ей на спину, а очки в проволочной оправе скрывали темно-карие глаза. Была даже лохматая собака, помесь золотистого ретривера и овчарки. Все человеческие фигурки были вырезаны из дерева и наряжены в костюмы викторианской эпохи. Их взгляды были пусты. Я очень надеялась, что голоса, которые услышала сразу после того, как моя мать упала в обморок, – явление временное.

– Ты точно хочешь, чтобы кукольный домик стоял в твоей спальне? – спросила я Нолу, вспомнив едкий запах гари и реакцию матери, когда та коснулась его. Она даже упала в обморок прямо в моем саду, и я была вынуждена сказать всем, что у нее резко понизился уровень сахара в крови. Мой отец немедленно отвез ее домой, но, перед тем как уйти, она шепнула мне, что видела лишь яркую вспышку белого света.

Нола в упор посмотрела на меня и закатила глаза:

– Не хочу обижать Амелию. Она очень милая, хотя и старая. – Она осторожно придвинула собаку ближе к мальчику, и у меня возникло странное ощущение, что именно там ей самое место. – В том смысле, это как же надо отстать от жизни, чтобы подарить подростку кукольный домик?

Я заметила, что она назвала всех по имени, как будто нарочно избегая таких слов, как «отец» или «бабушка».

Не уверенная в том, что кукольный домик должен стоять в ее спальне, особенно ночью, пока Нола спит, я продолжила гнуть свою линию:

– Но если хочешь, чтобы он стоял в гостиной, у меня не будет с этим проблем, да и твоя бабушка тоже не будет против. Без него у тебя в комнате будет больше места. Я подумала, что, может, лучше устроить здесь небольшой музыкальный уголок, с креслом для игры на гитаре. Чтобы тебе было где хранить твои ноты и гитару твоей матери.

Взгляд, которым она одарила меня, был даже менее враждебным, чем я ожидала. Скорее подавленным, как будто она заранее репетировала этот разговор, чтобы скрыть свои истинные чувства.

– Я не люблю играть на гитаре. Я просто храню это дерьмо, потому что это была ее вещь.

Над грудой нот, которые Нола сложила рядом с кроватью, вороша страницы, пронесся холодный ветерок.

– Кондиционер, – быстро сказала я в ответ на ее недоуменный взгляд. Решетка кондиционера была прямо над моей головой, и в настоящий момент из нее ничего не дуло. Я надеялась, что Нола этого не заметит.

Мне показалось, что я уловила в кукольном домике некое движение, но, когда я повернулась, чтобы посмотреть, что это было, меня встретили пять пустых остекленевших взглядов. Я потеряла руки, чувствуя, что озябла.

– Ладно, скажи мне, если передумаешь.

– Посмотрим, – ответила она и, шагнув к открытой задней части домика, начала расставлять миниатюрную мебель.

– Не засиживайся допоздна. – Не дожидаясь ответа, я вышла из комнаты, не уверенная в том, к кому или чему мне не хочется поворачиваться спиной, и зашагала вниз по лестнице. Джек сидел в фойе на чиппендейловском стуле, но, когда я открыла рот, чтобы поздороваться, он приложил палец к губам и жестом пригласил меня следом за собой на переднюю веранду. Мучимая любопытством, я последовала за ним и, включив внешнее освещение, чтобы разо-

гнать сумерки, села в одно из плетеных кресел-качалок. Джек прислонился к перилам крыльца и небрежно скрестил ноги. Однако его каменное лицо и напряженные плечи противоречили этой расслабленной позе.

– Где Ребекка?

– Я хотел поговорить с тобой, но Ребекке нужно было домой, поэтому ее отвез Марк.

В тусклом свете сумерек я пристально смотрела на него. Интересно, от того, что он только что сказал, ему стало так же неловко, как и мне? Впрочем, судя по его задумчивому лицу, его мысли были где-то далеко, в другом месте.

– Я хотел поговорить с тобой о Ноле, – сказал он, откашлявшись, – но не хотел, чтобы она подслушала.

– Разумно, – согласилась я. – Хотя в данный момент она увлечена своей новой игрушкой.

– Верно, – кивнул он. – О чем только думала моя мать? Не знаю, как ты, но, по-моему, в этом кукольном домике есть что-то жуткое.

Я вопросительно подняла брови, но ничего не сказала, хотя про себя задалась вопросом: неужели сигналы, которые посылает кукольный домик, настолько сильны, что даже такой непробиваемый человек, как Джек, их уловил.

Положив обе ладони на перила, он наклонился ко мне:

– Есть ли что-то такое, что я должен знать про этот кукольный домик?

Я пожала плечами, не зная точно, что ему ответить.

– Не знаю. Пока. Скажу честно, я не в восторге от того, что он стоит в комнате Нолы, но она настояла. Но я буду следить... – Я на миг умолкла. – Кстати, а как выглядела Бонни?

Джек наклонил голову:

– Высокая и стройная, как Нола. Но волосы были длиннее, и она всегда носила их распущенными. Она обожала свободную одежду, почти как Софи, правда, не такую безвкусную. – Он грустно улыбнулся. – Почему ты спрашиваешь?

– Я сказала тебе, что, по-моему, Нола пришла не одна – и твоё описание Бонни совпадает с внешностью женщины, которую я видела несколько раз. А поскольку гитара Бонни продолжает попадать в постель Нолы или в другие странные места, я просто хотела убедиться, что это её рук дело. – Я пожала плечами: – Возможно, духи кукольного домика составят Бонни компанию.

Джек пристально посмотрел на меня:

– Разве такое возможно? Ты хочешь сказать, призраки заводят друзей?

– Понятия не имею. Я стараюсь не проводить в их обществе слишком много времени. Большинство призраков, которых я знаю, одиночки.

Джек опустил голову и посмотрел на черно-белую плитку веранды.

– Разве Бонни... сказала тебе что-нибудь?

Я покачала головой:

– Пока нет. Она довольно робкая. Но, как я уже сказала, она продолжает двигать по комнате свою гитару, отчего Нола злится на меня, так как думает, что это делаю я, и несколько минут назад она шуршала нотами. Может, она просто хочет, чтобы Нола училась играть на гитаре?

Вдыхая доносящийся из сада аромат олеандра, я пытливо посмотрела на Джека. Этот запах всегда напоминал мне о нем, вероятно, потому, что, как и этот красивый, дурманящий цветок, Джек раздражал и, возможно даже, угрожал моему благополучию. Его волосы все еще были темными, плечи широкими, талия узкой. В свои тридцать пять он был просто неприлично красив. Интересно, как он выглядел в свою бытность квотербеком колледжа?

– Расскажи мне больше о Бонни, чтобы я могла связаться с ней. Имела ли она успех в качестве автора песен? Она хоть раз выходила замуж? Такого рода вещи.

Его лицо тотчас приняло несчастное выражение, как будто я только что сказала ему, что Зубной Феи не существует.

– Понятия не имею. Даже не верится, что я ничего не знал о ее жизни после того, как мы расстались. Или что у меня была дочь. По идее, мне полагалось это знать.

Я сцепила руки, чтобы не протянуть их к нему. Это была опасная территория. Откуда мне знать, выйду ли из путешествия по ней целой и невредимой. Да и вообще, утешать его теперь – забота Ребекки.

– Не кори себя, Джек. Бонни не хотела, чтобы ты знал. Вот почему она солгала о тебе Ноле. Она задалась целью порвать со своим прошлым и, похоже, преуспела в этом.

Джек потер ладонями лицо.

– Нола что-нибудь рассказала тебе? Про мать? Про свое детство?

Я покачала головой:

– Ничего. Я пыталась ее разговорить, но, скажем так, подростки не лучшие собеседники. Особенно те, кому кажется, будто их сослали на враждебную территорию. – Я в упор посмотрела на него: – Сколь безумно это ни звучало бы, думаю, твоя мать поступила правильно, подарив Ноле этот кукольный домик. Я обратила внимание, что при виде его ее лицо впервые смягчилось. Стало детским. Ведь у тринадцатилетней девочки оно такое взрослое. Будем надеяться, что это начало.

Джек посмотрел на меня тем взглядом, который я про себя называла «взглядом Джека», и я даже зябко поежилась. Обычно, когда Джек Тренхольм чего-то хотел, он добивался своего даже у самых упрямых и несговорчивых. Это был лишь вопрос времени.

– Что такое? – спросила я, проводя языком по зубам – вдруг между ними застряла еда.

– Нола ведет дневник?

– Понятия не имею, – осторожно ответила я. – Почему ты спрашиваешь?

– Я просто подумал, что, если она и дальше будет молчать, возможно, нам есть смысл попытаться найти ее дневник и прочесть ее собственные слова о том, что происходит в ее голове. Там наверняка найдется что-то и о Бонни...

Я покачала головой, не давая ему договорить:

– Только не это. Даже если она ведет дневник, он не предназначен ни для твоих глаз, ни для моих. И ни для кого-то еще, кроме самой Нолы. – Я вспомнила свой собственный дневник, который вела, будучи подростком. Я была бы готова сквозь землю провалиться, если бы кто-нибудь его прочел, правда, по весьма необычным причинам. Мой дневник в подростковые годы (и даже позже, если быть до конца честной) представлял собой исключительно списки того, что я надевала каждый день, чтобы быть уверенной, что я не использую один и тот же наряд в течение некоторого времени. Я была настолько безнадежной и жалкой, что в моем дневнике не было ни единой строчки о том, что я влюбилась в кого-то из мальчиков или что я ненавижу моих родителей.

По крайней мере, Джеку хватило совести смутиться.

– Да, ты права. Но на то я и мужчина, не так ли? И не привык смотреть на вещи под разными углами, прежде чем говорить.

Я прочистила горло:

– Знаешь, Джек, для человека с таким большим донжуанским списком, как у тебя, ты проявляешь столь странное невежество в отношении юных представительниц женского пола.

По его лицу расползлась хитрая улыбка.

– Скажи это Мэри Бет Мэйбэнк, которая сидела передо мной на уроках математики в седьмом классе.

Я вопросительно выгнула бровь. Джек пожал плечами:

– Она рано созрела. Я за пять секунд умел расстегнуть на ней лифчик прямо через свитер. Что делало меня настоящим героем в глазах других мальчишек. Она же бывала вынуждена встать и пойти в женский туалет, чтобы вновь его застегнуть.

– Это другое. Нола твоя дочь. Представь, что какой-то подросток делает то же самое с ней. Джек мгновенно преобразился, его было не узнать. Если честно, я даже испугалась.

– Я бы убил его.

– Именно. Для тебя, Джек, это неизведанная территория. Вообще-то для нас обоих. Но у меня, по крайней мере, есть смутные воспоминания о том, что я когда-то была подростком, так что, возможно, мне чуть полегче. Из того, что я помню о том, что было в моей голове в ее возрасте, могу дать тебе один-единственный совет: наберись терпения и продолжай попытки достучаться до нее. И не слишком расстраивайся, когда она будет тебя отвергать. Она придет к тебе, как только поймет, что здесь она в безопасности, что у нее есть семья, которая любит ее, даже несмотря на ее дурацкую одежду и все такое прочее. – Я не стала комментировать внезапную заботу Джека о дочери. Это было так неожиданно и так трогательно. Даже слишком.

– Тем не менее, – сказал он, выпрямляясь, – я постараюсь узнать о Бонни как можно больше. Вдруг обнаружится что-то такое, что может помочь мне найти с Нолой общий язык. Ничего другого у меня нет, но надо же с чего-то начинать.

Я едва не сказала ему, что быть заботливым отцом – это очень даже неплохо для начала, уж кому как не мне это знать, и что фактически он уже им стал, но тут у меня зазвонил телефон. Достав его из кармана, я посмотрела на номер.

– Мать, – пояснила я Джеку, поднося телефон к уху. – Алло?

– Твой отец спит, и я подумала, что сейчас самое время поговорить с тобой про этот кукольный домик.

Мой отец, всю свою жизнь не веривший ни в каких ночных барабашек, недавно увидел своего первого призрака, давно умершего гессенского солдата, который несколько столетий проживал в доме моей матери. И хотя он по-прежнему отрицал их существование, объясняя, что, мол, это лишь игра света и тени или моего собственного воображения, его заявления звучали далеко не столь безапелляционно, как раньше.

– А что с ним не так? Ты сказала, что видела лишь ослепительно-белую вспышку.

– Сначала да, – сказала мать, помолчав. – Но потом...

– Что – потом? – уточнила я.

– За этим светом что-то было. Что-то... зловещее. Но кто-то, или что-то, загородил меня, не давая мне увидеть, что именно. Возможно, пытаюсь защитить меня или их, не знаю. В любом случае не ставь его в комнату Нолы, пока мы не выясним, что это такое.

Я нахмурилась:

– Боюсь, мы опоздали. – Я посмотрела на Джека. Его лицо тоже было серьезным.

Я слышала, как мать дышит в телефон.

– Тогда будь очень, очень осторожна. Следи за Нолой и ее поведением. Дай мне знать, если заметишь за ней какие-то странности или если вдруг она станет слишком упрямой.

– Мам, ты серьезно? Можно подумать, я узнаю отличия!

– Ничего. В течение недели вы переедете ко мне, и я тоже смогу наблюдать за ней. Или даже предложу поставить эту вещь на первом этаже.

– Удачи тебе. Когда ей чего-то хочется, ее не переубедить. В этом отношении она вся в отца, – я покосилась на Джека. Тот ответил мне хмурым взглядом.

– Как бы то ни было, не своди с нее глаз и дай мне знать, когда мне вас ожидать.

– Наверно, не раньше чем через неделю. Мы с Амелией все еще пытаемся согласовать, куда нам деть крупную мебель. Впрочем, для этого мне не обязательно быть здесь. Так что я...

Мои слова прервал приглушенный крик. Не успела я сказать матери, что перезвоню ей, как Джек одним прыжком влетел в дом и бегом бросился вверх по лестнице. Я влетела в ком-

нату Нола следом за ним и на миг застыла на месте, чтобы понять то, что предстало моему взгляду.

Генерал Ли, обычно скорее похожий на плюшевого мишку, чем на волка, скалил зубы и рычал на кукольный домик, рядом с которым, сердито на него глядя, стояла Нола. Я не сомневалась: будь у нее такая возможность, она бы тоже скалилась и рычала.

– Что произошло? – требовательно спросил Джек. Его голос звучал гораздо спокойнее, чем могло показаться, глядя на нас обоих.

Волосы Нола были мокрыми. Капли воды стекали на ковер и деревянный пол, но я не стала делать ей замечания по этому поводу.

– Я пошла принять душ, а когда вернулась, пес, должно быть, возился с моим кукольным домиком, потому что все фигурки переставлены. И смотри – голова сломана. – Она протянула дрожащую ладонь, на которой лежала фигурка мальчика. Голова его была вывернута под странным углом.

Генерал Ли заскулил, и я наклонилась, чтобы поднять его. Но стоило мне сделать шаг в сторону кукольного домика, как он вырвался у меня из рук и пулей вылетел из комнаты. Мы с Джеком недоуменно переглянулись, а затем оба повернулись, чтобы взглянуть на кукольный домик.

Вся кукольная семья, за исключением мальчика и собаки, столпилась в высоком окне башни, словно пытаясь увидеть что-то снаружи. Я сглотнула комок.

– Где собака? – спросила я.

– Здесь, – ногтем ноги, выкрашенным черным лаком, Нола постучала по полу перед кукольным домом. Голова игрушечной собаки треснула пополам, тело едва виднелось из-под кровати, как будто кто-то забросил его туда с большой силой.

– А где был мальчик?

– Здесь же. – Нола побагровела от злости. – Убери своего гребаного пса из моей комнаты, хорошо? Иначе он переломает тут все.

Я не сомневалась, что Генерал Ли проигнорирует любой запрет, равно как и в том, что пес не имеет никакого отношения к перестановке фигур в кукольном домике – и не только потому, что собачьи лапы плохо приспособлены к такого рода манипуляциям. К счастью, Нола либо была не в курсе собачьей анатомии, либо слишком расстроилась из-за сломанных фигурок, чтобы об этом подумать.

– Послушай, – сказала я как можно спокойнее, что стоило мне немалых усилий, – у меня внизу есть суперклей. Вот увидишь, мы склеим их, так что никто не заметит даже трещинки. – Я протянула Ноле руку.

Презрительно фыркнув, та сунула фигурку мальчика в мою руку.

– Ладно. Но теперь я буду запираю дверь. Знаю, это твой дом и все такое прочее, но мне не нравится, когда ты и твоя собака трогаешь мои вещи.

Я взглянула на кровать и только сейчас заметила на подушках гитару Бонни.

– Я запомню это, – ответила я и попятилась из комнаты.

– С тобой здесь все будет в порядке? – спросил Джек. – Ты ведь знаешь, что всегда можешь вернуться ко мне.

– Верно. Это решило бы все. – Голос Нола в равной мере дышал страхом и сарказмом.

– Просто проверка. У тебя есть мой номер, если я тебе понадобится. Звони в любое время.

Я ждала в коридоре, пока Джек закрывал дверь.

– Что это было? – тихо спросил он, когда мы направились к лестнице.

– Не знаю. Моя мать тоже. Может, дело даже не в нем. Я с детства много читала на тему духов и тому подобного – просто чтобы убедиться, что я не чокнутая и что у других людей был точно такой же опыт, как и у меня. В любом случае, Нола в том эмоциональном, бурлящем

гормонами возрасте, когда они привлекают к себе энергию, где бы ни находились. – Мы вошли в фойе, и я остановилась, повернувшись лицом к нему: – Но есть еще одна вещь, которую ты мог бы исследовать, изучая прошлое Бонни.

Джек вопросительно поднял брови.

– Происхождение кукольного домика. Так, на всякий случай.

– На всякий случай чего? – медленно уточнил он.

– Чтобы узнать, что именно пришло сюда вместе с кукольным домом, кроме мебели и кукол.

Наши взгляды на мгновение встретились. Но затем я отвернулась и повела его к входной двери.

– А если что-то и вправду пришло? – спросил он.

Я на секунду задумалась.

– Мы могли бы его отдать. Ребекке.

– Почему Ребекке? – удивленно переспросил Джек.

– Потому что духи всего один раз взглянут на розовое гнездышко, которое она называет своей спальней, и тотчас, сломя голову и расталкивая друг друга, наперегонки помчатся вон.

Я видела, что Джек пытается не засмеяться.

– Спокойной ночи, Мелли.

– Спокойной ночи, Джек.

Я закрыла за ним дверь и лишь потом поняла, что так и не напомнила ему, чтобы он не называл меня Мелли.

Глава 6

Второй раз менее чем за год я с набитыми чемоданами стояла на пороге дома моей матери – с той разницей, что на этот раз я пришла не одна, а с непокорным подростком. Я почти ждала этой минуты, хотя бы потому, что теперь у меня будет союзник в войне против угрюмой враждебности, которую я испытывала на своей шкуре почти каждый час. Я знала: это в основном потому, что вещи в комнате Нола отказывались знать свое место, она же считала, что это все мои происки. Не знаю почему, но мне было легче принять вину, чем сказать ей правду.

Нола, разинув рот, посмотрела на квадратный кирпичный георгианский дом с двухъярусным портиком. Несмотря на позднюю весну, сад поражал калейдоскопом красок и ароматов, а новая решетчатая беседка – подарок моего отца – была сплошь в бутонах вьющейся розы. Моя мать выросла в этом доме, а я первые шесть лет жизни навещала здесь мою бабушку. Наверно, именно поэтому я сама никогда не замечала его величия и не задумывалась о том, каким чопорным он может показаться постороннему человеку, не знавшему его домашнего тепла и любви. Или его призраков.

– Ни фиги себе! Вот это да! – воскликнула Нола.

Я сердито посмотрела на нее, вспомнив то, что однажды сказала мне мать, когда я была еще достаточно юной, чтобы прислушиваться к мнению взрослых. Тогда я повторила слова, сказанные моим отцом, когда он решил, что я не слышу. Я до сих пор ощущала вкус мыла «Дайал» на моем языке.

– Нецензурная лексика не для женщин, – тихо сказала я. – И если моя мать услышит от тебя что-то в этом роде, она заставит тебя вымыть рот с мылом.

Нола вытаращила глаза, как мне показалось, испуганно, поэтому я воспользовался возможностью и добавила:

– И я не стану ей мешать.

Нола отпрянула от меня, из чего я сделала вывод, что мои слова произвели впечатление. С другой стороны, я была в ужасе, оттого что уподобилась собственной матери, так что эта небольшая победа особой радости мне не принесла. При звуке приближающихся шагов мы обе повернулись к двери.

– Мелли, Нола! – певуче произнесла моя мать, распахивая дверь и впуская нас в фойе дома на Легар-стрит. Она по очереди обняла каждую из нас, окутав шелестом шелка и облаком духом «Шанель № 5». Когда-то я ненавидела этот парфюм – он всегда напоминал мне мать, бросившую меня, когда мне было всего шесть лет. Но теперь он постепенно начал мне нравиться, наряду с моим растущим интересом к опере и обменом обувью. Эти новые отношения «мать – дочь» были похожи на переезд в другую часть света, где никто не говорит на вашем языке. Добавьте в этот микс Нолу, и все станет гораздо пикантнее.

– Привет, мам. Еще раз спасибо за то, что позволила нам пожить у тебя.

– Не говори глупости, Мелли. Ты моя дочь, поэтому считай мой дом своим. И ты тоже, Нола. Я даже заказала ключи для вас обеих, чтобы вы могли приходить и уходить, когда вам вздумается. Миссис Хулихан уже устроилась на кухне с Генералом Ли, так что все будет как дома.

– Что?! Эта псина тоже здесь? – простонала Нола.

Еще недавно я бы с ней согласилась. Переезжая вместе с моим отцом с одной военной базы на другую, я не могла даже заикнуться, чтобы нам завести домашнее животное, даже если бы очень захотела. Но потом я унаследовала от покойного мистера Вандерхорста Генерала Ли и с тех пор стала владелицей домашнего питомца, если меня можно так назвать. Скорее я была для него компаньоном, делящим с ним мягкую кровать, источником еды и угощений и теплых

коленей. Не желая продемонстрировать слабость, я подумала, что неплохо научилась прятать свою растущую привязанность к этому милому существу.

Я хмуро посмотрела на Нолу – что в последнее время делала постоянно – и решила, что, если не следить за собой, этак недолго заработать морщины.

– Если ты скажешь хотя бы еще одну гадость о моей собаке, ты мигом вернешься к отцу. – Подняв мои чемоданы, я решительно направилась к лестнице. – Я предполагаю, мне отведена моя старая комната?

Воцарилось короткое молчание. Нола и моя мать смотрели друг друга. Наконец мои последние слова дошли до матери.

– Да, дорогая, – ответила она. – А комната Нолы напротив твоей. К счастью, ванная комната отреставрирована, но боюсь, что за спальню еще не брались. Я была слишком занята остальной частью дома и не ожидала, что у меня так скоро появится гостья. – Разговаривая с Нолой, она зашагала к лестнице. – Полковник Миддлтон будет здесь с минуты на минуту и занесет остальные вещи. А ты пока, если хочешь, возьми лишь рюкзак и гитару.

Я тем временем сгибалась под тяжестью моих собственных чемоданов. Интересно, почему она не сказала об этом мне?

Между тем она продолжала говорить с Нолой:

– Матрас новый и простыни чистые, так что тебе наверняка понравится.

– Главное, чтобы там нашлось место для моего кукольного домика, – ответила Нола.

Я повернулась и посмотрела на мать. Джек и Чэд должны были привезти кукольный домик чуть позже, и я надеялась, что к тому времени, когда он прибудет, мы с матерью сумеем убедить Нолу поставить его где-нибудь еще, но не в ее комнате.

Я, пошатываясь, вошла в свою спальню и, бросив чемоданы, присоединилась к Ноле и матери. Как и все остальные комнаты в доме, спальня Нолы была большой и просторной, с высокими окнами и потолком, лепными карнизами и медальонами. А вот в том, что касалось дизайна ее интерьера, этой комнате не хватало утонченного вкуса моей матери и Амелии. К сожалению, предыдущие владельцы дома – миллионеры из Техаса, торговавшие металлоломом, – оставили повсюду свой отпечаток. Мне постоянно вспоминалась строчка из Макбета о том, что нужен весь океан Нептуна, чтобы отмыть все чисто-начисто. Разглядывая цветовую гамму комнаты, лично я сомневалась, что всего океана будет достаточно.

Все четыре стены от пола до потолка были оклеены черными фольгированными обоями с нарисованными вручную гигантскими оранжевыми ромашками – явные потуги воссоздать альтернативную реальность наркотического улёта. Красивый паркетный пол закрывал розоватый велюровый ковер, но не настолько, чтобы полностью замаскировать наклейки с фиолетовыми точками, наугад разбросанные по деревянным доскам, напоминая рвоту леопарда того же цвета. С каждого окна свисали длинные нити миниатюрных помпонов совершенно немислимых цветов, этакие шторы космической эры. При виде всего этого у меня свело живот.

– Круто! – воскликнула Нола, ставя в угол гитару и рюкзак. Из раскрытой молнии виднелась мордочка плюшевого мишки. Мне тотчас стало жаль его глаза – у них не было век, чтобы скрыть этот кошмар. – А вы говорили, что здесь еще не было ремонта!

– Э-э-э... не совсем, – пролепетала моя мать. – Это постарались предыдущие владельцы.

– Супер! Вам повезло. Не вижу смысла тут что-то менять.

Мы с матерью снова переглянулись. Я была готова поклясться, что ее испуганное лицо – копия моего.

– Нам приятно, что тебе нравится, – выдавила я из себя.

Подойдя в дальний конец комнаты, мать распахнула дверь.

– У тебя тут собственная ванная комната.

Сунув голову в недавно отреставрированную ванную, Нола окинула взглядом со вкусом подобранные нейтральные оттенки, черно-белый мрамор, неброский узор на стенах.

– Эх, жаль, что они заодно не сделали ремонт и здесь.

Я стояла посреди комнаты рядом с большой кроватью, которую моя мать накрыла простым белым покрывалом, которое она нашла на чердаке. Я смотрела на ее белое пространство, как пассажир автомобиля порой смотрит на неподвижный горизонт, чтобы побороть тошноту. В комнате были только кровать, туалетный столик, комод и низкая тумбочка, на которую моя мать планировала поставить небольшой телевизор с плоским экраном. Мебель была взята с чердака, привезена из моего дома и антикварного магазина Тренхольмов. Глядя на нее, я подумала, что мы зря не впахнули сюда больше вещей. Потому что сейчас в любой из четырех углов комнаты можно было запросто поставить большой кукольный домик.

– Мне нравится, что здесь так просторно, мама. Много воздуха, свободного места. Я бы не стала больше ничего добавлять.

Я с надеждой улыбнулась Ноле, когда та вышла из ванной.

– Только кукольный домик, – сказала она, топая по комнате в армейских берцах. Лично я не назвала бы их обязательным модным аксессуаром к полосатым леггинсам и короткой юбке с оборками, тем более для выхода в таком виде на публику. – Он встанет здесь идеально, – сказала она, указывая угол слева от изголовья. – Ты согласна, Мелли?

В этот момент я судорожно пыталась придумать причину, почему кукольному домику здесь не место, и потому никак не отреагировала на это жуткое имя.

– Вообще-то, Нола, – сказала моя мать, – мы подумали, что пустая комната в конце коридора будет для него идеальным местом. Там его можно поставить не у стенки, а посередине комнаты, чтобы он был виден со всех сторон. Я даже могу найти большой стол и поставить его так, чтобы он был более или менее на уровне глаз. Как ты думаешь?

Нола упрямо вскинула подбородок, чем напомнила мне ее отца, когда тот что-то вбивал себе в голову. И я поняла: у нас не больше надежды переубедить ее, чем попытаться уломать архитектурный совет разрешить мне покрасить мой дом на Трэдд-стрит в фиолетовый цвет.

– А по-моему, он отлично встанет в этом углу. – Она подошла к кровати, встала на маленькую скамеечку рядом с ней и плюхнулась на покрывало. – Может, у вас тут найдется другое покрывало, поярче, в стиле этой комнаты. Если, конечно, это не слишком дорого.

Я попыталась придумать тактичный способ сказать ей, что если ей хочется найти что-то в стиле этой комнаты, то для этого ей придется нырнуть в мусорный бак за благотворительным магазином «Гудвилл», куда бросали те вещи, которые невозможно продать. Как будто прочитав мои мысли, мать строго посмотрела на меня – мол, лучше молчи. И я промолчала.

Тем более что в дверь позвонили.

– Должно быть, это твоя бабушка, – сказала мать, обращаясь к Ноле. – Мы оставим тебя здесь. Можешь привести себя в порядок, потому что скоро мы поедем на ланч. Мы должны быть в кафе «Алуэтт» ровно в двенадцать, так что в твоём распоряжении примерно полчаса.

Нола насупила брови:

– Мы что, снова куда-то едем?

– Мы хотели, чтобы ты познакомилась с Олстон Равенель и ее матерью Сесили. Они твои родственницы, хотя и дальние, со стороны твоей бабушки.

Мать взялась подробно излагать генеалогическое древо Нолы, как то обычно делают все чарльстонцы, пока взгляд Нолы не остекленел.

Заметив это, мать прервала свой урок генеалогии.

– В любом случае, вы с Олстон одного возраста. Обе осенью пойдете в восьмой класс. Олстон уже записалась в Эшли-Холл, alma mater твоей бабушки – и моей тоже, – и мы подумали, что до твоего вступительного собеседования неплохо бы узнать об этой школе побольше.

– Вступительного собеседования?

В голосе Нолы промелькнула паника. Я машинально шагнула к ней. В юности со мной бывало то же самое всякий раз, когда отец объявлял мне, что его переводят на другую военную базу.

– Разве Амелия тебе еще не сказала?

– Вроде бы да, – Нола пожала плечами и тихо добавила: – Мне казалось, что меня к тому времени здесь не будет.

Я напряглась:

– И где, по-твоему, ты можешь быть?

Она снова пожала плечами, избегая смотреть мне в глаза.

– Где угодно, только не здесь.

Я видела, как моя мать открыла было рот, но лишь покачала головой.

– Что заставило тебя передумать? – спросила я, вновь поворачиваясь к Ноле.

– Миссис Хулихан делает хорошие гамбургеры с тофу, – пробормотала Нола, глядя в пол.

Я прикусила изнутри щеку.

– Ловлю тебя на слове. – Я поймала себя на том, что так крепко стиснула руки, что ногти впились в мякоть ладоней. А все потому, что я судорожно пыталась найти правильные слова, которые бы сказали ей, что я все понимаю, и при этом не звучали бы слишком эмоционально. К этому моменту я уже знала: не в привычках Нолы руководствоваться эмоциями при принятии любого решения. Меня постоянно грызла мысль о том, что она пережила за свои тринадцать лет, чтобы стать такой. По крайней мере, у меня в качестве оправдания имелись тридцать три года, прожитые без матери.

Я помню, как смотрела музыкальную передачу на MTV, когда пришел мастер, чтобы установить видеоманитон. Это был живой концерт, где дети, подняв руки, бросались в толпу, полагая, что кто-нибудь непременно их поймает. Я смотрела на них, затаив дыхание, едва ли не кожей ощущая опасность и одновременно чувствуя себя всеми брошенной, зная, что мне никогда не испытать такой уверенности, тем более в подростковом возрасте.

– Наверно, ты чувствуешь себя так, будто ты прыгаешь в толпу на концерте Slipshod, не зная точно, где приземлишься или кто тебя поймает, – со вздохом сказала я.

Она подняла на меня глаза. Взгляд ее оставался хмурым, но в нем вновь промелькнул огонек, и я поняла, что попала в цель.

– Группа называется Slipknot, Мелли. Но все равно попытка зачтена.

– Пойдем, – моя мать взяла меня за локоть. – Нехорошо заставлять Амелию ждать. Спускайся, когда будешь готова, Нола.

Двадцать минут спустя в гостиной мы втроем дружно повернули головы, услышав на лестнице топот ног, а потом с одинаково вытянутыми лицами уставились на Нолу, которая предстала перед нами в том же прикиде, что и раньше, – то есть в армейских берцах и юбке с оборками.

Амелия быстро встала и обняла ее.

– У тебя есть чувство стиля, моя дорогая, причем такое, какое может оценить даже твоя старая бабушка. – С этими словами она повернулась к нам. Они стояли рядом – пожилая элегантная дама в трикотажном костюме от «Сент-Джона» и лодочках от «Феррагамо» и красивая девочка-подросток, одетая как будто с помойки. Меня так и подмывало подпрыгнуть и стукнуться с Амелией ладонями за то, что та нашла правильные слова.

Мы с матерью встали и взяли наши сумочки. Я открыла входную дверь, выпуская нас всех на улицу.

– Надеюсь, в этом дурацком кафе будет еда, которую я могу съесть, – сказала Нола.

Амелия даже бровью не повела.

– «Алуэтт» славится своим органическим и веганским меню. Почему, по-твоему, я его выбрала?

Еще один балл тебе, Амелия, подумала я, закрывая за собой дверь, а вслух сказала:
– Надеюсь, что у них будет еда для всех нас.

Моя мать посмотрела на меня так, словно напомнила мне про хорошие манеры. В ответ я лишь закатила глаза, бросила в сумочку ключи и последовала за ними к машине Амелии.

Я села с Нолой на заднее сиденье «Линкольна», Амелия и моя мать – впереди. До этого мне ни разу не доводилось ездить в машине с Амелией Тренхольм. Вскоре мне стало понятно, откуда у Джека эта привычка летать на бешеных скоростях по узким, запруженным туристами улицам. Я левой рукой судорожно вцепилась в ручку двери, а правой уперлась в подголовник водительского сиденья перед собой.

Нола смотрела в окно, очевидно, забыв обо всем, кроме собственных мыслей. Моя мать, похоже, ничего не замечала. Они с Амелией продолжали болтать, как будто гонки в духе «Формулы-1» по улицам Чарльстона были для них обеих обычным делом. Радиостанция, передававшая старые шлягеры, была установлена на самую низкую громкость. Мне показалось, будто я узнала песню, звучавшую в тот момент, но слышно было плохо, и утверждать наверняка я не могла. В надежде, что музыка отвлечет меня от мыслей о том, что я, похоже, лечу навстречу верной смерти в автомобиле, за рулем которого сидит женщина, за которой я никогда раньше не замечала суицидальных склонностей, я похлопала мать по плечу:

– Можешь сделать чуть громче, пожалуйста?

Не прерывая их с Амелией разговора, мать дотянулась до ручки радиоприемника и увеличила громкость. Узнав знакомые аккорды «аббовской» песни The Winner Takes It All, я блаженно откинулась на кремовую кожаную обивку и, закрыв глаза, принялась мурлыкать себе под нос строчки про убитого горем любовника, который отчаянно выпытывает у бывшей подружки, целует ли новый любовник ее так, как когда-то целовала его она. Внезапно поймав себя на том, что я слишком громко распелась, я открыла глаза и обнаружила, что Нола пристально смотрит на меня такими же, как у Джека, голубыми глазами.

– Ты знаешь, кто поет эту песню? – спросила она.

– Конечно. Это «АББА», – самодовольно ответила я.

– Круто. Продолжай в том же духе. – Она откинулась на спинку сиденья и сделала вид, что сует в рот пальцы. – Мало того что мне пришлось слушать эту твою гребаную «АББУ», так теперь и тебя. – Она наклонилась вперед и похлопала Амелию по плечу: – Можете переключить на другую станцию, пожалуйста? Кажется, меня тошнит.

Не прерывая разговора, Амелия переключила канал на альтернативную рок-станцию, где исполнялся недавний хит новой и перспективной звезды Джимми Гордона. Его манера исполнения была скорее похожа на блюз, чем на рок, но его голос источал мед, и на него было довольно приятно смотреть. Песня «Я только начинаю» была печальной и мелодичной. Она легко могла получить эфирное время на большинстве традиционных радиостанций.

Я повернулась к Ноле, чтобы спросить, что она думает об этой песне, но запнулась в середине предложения. Она была бледней, чем обычно, а ее пальцы, словно когти, впились в ее ноги через полосатые легинсы.

– Тебе плохо? – испуганно спросила я. Вдруг она сказала правду про то, что ее тошнит?

– Смените радиостанцию, – сдавленно прошептала она, однако достаточно громко, чтобы обе женщины на переднем сиденье ее услышали. Моя мать повернула голову, чтобы спросить, в чем дело, но, увидев лицо Нолы, протянула руку и нажала кнопку.

– Что не так? – спросила она.

Нола откинулась на спинку сиденья. Ее лицо было каменным.

– Ненавижу эту песню. Ненавижу Джимми Гордона.

– А по-моему, он не так уж и плох. Лично мне он нравится... – начала было я.

– Я видела его, – решительно оборвала меня Нола. – И мне он не нравится.

Ледяной тон ее голоса, должно быть, привлек внимание Амелии.

– Кто такой Джимми Гордон? – спросила она, глядя на нас в зеркало заднего вида. Нола посмотрела в окно. Ее плечи изогнулись идеальной буквой «С», давая понять, что разговор окончен.

– Очевидно, он не входит в число любимых звезд Нолы, – сказала я. – Может, обойдемся без радио? В любом случае, мы почти приехали.

Хмуρο посмотрев на меня, мать без лишних вопросов выключила радио. Интересно, подумала я, была бы она так же чутка и со мной в этом возрасте? Или, чтобы преодолеть пропасть между матерью и дочерью, были нужны долгие годы, когда ее не было в моей жизни? Если у меня когда-нибудь будут дети – что весьма сомнительно, учитывая, что мне тридцать девять лет, а я все еще не замужем, – я решила, что, когда им стукнет десять, я подброшу их ей на порог и заберу снова, когда им будет двадцать.

Амелия нашла парковку в подземном гараже на Митинг-стрит, после чего мы прошли пару кварталов до Рейд-стрит к кафе «Алуэтт». В его кораллового цвета стенах царила непри- нужденная и очень приятная атмосфера. Здесь были старинная барная стойка и квадратный проход позади нее, который вел прямо в кухню, где несколько поваров усердно готовили обе- денные блюда. Над проходом висела черная доска, на которой мелом были написаны специ- альные предложения дня, а также слова «Холистическая еда для души» и «Мы рады веганам». Несмотря на это предупреждение, список специальных блюд включал свежие местные жарен- ные креветки. Добавьте к этому щекочущие нос ароматы готовящейся пищи, и станет понятно, почему у меня тотчас же потекли слюнки. На барной стойке стояли три большие стеклянные емкости, наполненные чем-то похожим на печенье с шоколадной крошкой. Органическое или нет, оно выглядело жутко аппетитным, и я знала, что уеду отсюда, по крайней мере, с двумя, чтобы продержаться до обеда.

Обернувшись, я увидела, что мать и Амелия поздоровались с высокой стройной белоку- рой женщиной в модном темно-синем брючном костюме и с шарфиком от Hermes вокруг шеи и с ее более молодой версией, стоящей в дверях. Моя мать жестом поманила нас с Нолой. Не знаю почему, но я обняла Нолу за плечи и повела ее вперед. Пожав руку Сесили и Олстон Равенель, я представила им Нолу, для чего осторожно подтолкнула ее вперед. Заметив, как мать и дочь взглядом оценили ботинки Нолы и ее наряд, я машинально сжала кулаки.

Сесили улыбнулась и протянула Ноле руку:

– Ты вылитый портрет своего отца, но ты наверняка уже это слышала.

Я внимательно посмотрела на нее, пытаюсь определить ее возраст – скорее всего, на несколько лет моложе меня. Интересно, встречалась ли она с Джеком? Похоже, большая часть женского населения Чарльстона в тот или иной момент имела с ним отношения. Мои ногти больно впились в мякоть ладоней, но я заставила себя разжать кулаки.

– Твоя бабушка и миссис Миддлтон так много рассказывали о тебе, что я не могу дождаться, чтобы узнать тебя лучше. – Ее улыбка была теплой, слова искренними, и я рассла- билась. Сесили была либо истинной чарльстонской леди, умевшей держать при себе негатив- ные мысли, либо она и впрямь с нетерпением ждала знакомства с Нолой. Или же у нее когда-то был роман с Джеком и у нее остались приятные воспоминания. Я мысленным шлепком заста- вила себя выкинуть эту мысль из головы.

Нола с настороженной улыбкой ответила на рукопожатие Сесили.

– Приятно познакомиться.

Удивленно посмотрев на нее, я поймала себя на том, что затаив дыхание жду, что ответит Нола. Очевидно, ее мать не забыла свои южные корни, независимо от того, насколько она от них отдалилась.

Сесили между тем протянула руку за спину и, схватив за локоть белокурую девочку, вытащила ее вперед.

– А это моя дочь Олстон, которая, как ты наверняка уже знаешь, этой осенью будет учиться в восьмом классе в школе Эшли-Холл.

Олстон протянула изящную, ухоженную руку с жемчужным браслетом на запястье.

– Привет, – сказала она так тихо, что я была вынуждена податься вперед, чтобы ее услышать. – Приятно познакомиться.

Как и в случае Сесили, в ее словах не было никакого подтекста. У меня на глазах Нола взяла руку Олстон и пожала ее.

– Взаимно, – робко произнесла она, словно опасаясь, что Олстон сейчас вытащит что-нибудь из своей сумки и огреет ее по голове.

Олстон убрала ее руку.

– Мне нравятся твои ботинки, – тихо сказала она, и я мгновенно поняла об Олстон Равенель две вещи: она была очень стеснительной и очень доброй. Или, несмотря на дорогой костюм, у нее был отвратительный вкус в одежде.

– Спасибо, – сказала Нола, окинув глазами юбку, блузку и бледно-желтый кардиган Олстон, накинутый на плечи. Даже лента на ее голове была украшена принтом от «Лилли Пулитцер». Я уже собралась поздравить себя с удачным знакомством, как вдруг Нола наклонилась вперед:

– Что это за имя, Олстон?

Я затаила дыхание, ожидая, что та скажет. Похоже, Олстон искренне удивилась, как будто ей никто ни разу не задавал этот вопрос. И я поняла, что в Чарльстоне, где все знают это имя, наверно, так и было.

– Это фамилия с отцовской стороны, – просто ответила Олстон. – Его прапрабабушка была Олстон, и, наверно, он хочет, чтобы все это знали. А Нола? Это тоже фамилия?

Нола ухмыльнулась. Я в самый последний момент одернула себя, чтобы не зажать ей рот.

– Нет. Это прозвище. Это означает Новый Орлеан, Луизиана.

Отлично, подумала я. Все, пора закругляться. Тем более что старшие женщины уже направлялись к нашему столику – очень хотелось надеяться, что еще вне пределов слышимости.

– Меня там зачали родители, – добавила Нола.

Сесили была явно шокирована, а вот Олстон откинула голову назад и издала вполне мальчишеский смешок.

– Это самый большой прикол, какой я слышала в моей жизни, – сказала она.

Мы направились к нашему столику, обе девушки шли следом за мной.

– Как хорошо, что меня зовут Олстон, – шепнула Ноле ее новая знакомая, – потому что в противном случае меня назвали бы «под балдахин».

Нола громко рассмеялась. В ее сторону тотчас повернулись головы, но мне было все равно. Я впервые услышала ее смех, и я не могла дождаться, чтобы рассказать об этом Джеку. Сев в кресло, я почувствовала затылком знакомое покалывание. Чуть повернув голову, так, чтобы никто не заметил, я бросила взгляд в окно. В кафе заглядывала какая-то женщина с грустным лицом, в длинной юбке и футболке, светлые волосы распущены и расчесаны на прямой пробор в стиле хиппи семидесятых. Она казалась такой живой, что я было подумала, что она настоящая. Но затем кто-то прошел по тротуару прямо сквозь нее, и она исчезла, оставив после себя лишь чувство отчаяния.

Я повернулась к столику и увидела, что Нола пристально следит за мной, и, пока мы ели, меня мучил вопрос, почувствовала ли она то же самое.

Глава 7

Балансируя портфелем и своим обычным завтраком – латте с двойными взбитыми сливками и пакетом пончиков с шоколадом, – я пятясь вошла во входную дверь «Бюро недвижимости Гендерсона». Я работаю в этой фирме уже более десяти лет в качестве риелтора, специализирующегося на исторической недвижимости Чарльстона. Правда, сама я придерживаюсь твердого мнения, что старые дома – это не что иное, как орудия высасывания денег, этакие черные дыры посреди огромных участков земли, обычно населенные таким количеством духов и привидений, чтобы человек не смыкал глаз всю ночь. При условии, что вам не повезло и вы родились со способностью их слышать.

Но я хорошо делала свое дело. Благодаря моей работе я оплачивала счета и носила дорогие туфли, так что жаловаться было грех. Одна беда – когда духам мертвых надоело, что я игнорирую их, они считали своим долгом привлечь к себе мое внимание.

Я осторожно проследовала через фойе, стараясь дойти до моего кабинета в дальней части офиса, ничего не пролив, как вдруг замерла на месте. Я медленно прошла назад и остановилась перед стойкой, за которой, с тех самых пор как я только пришла работать к Гендерсону, восседала бесстрашная Нэнси Флаэрти, наш администратор и профессионал по части гольфа. Здесь все было посвящено гольфу: пресс-папье в виде мяча для гольфа, коврик для мыши в виде площадки для гольфа Университета Сент-Эндрюс, скрепки в форме буквы «Т», но никаких признаков Нэнси. Вместо этого перед столом на ярко-оранжевом коврике для йоги сидела симпатичная женщина лет пятидесяти-шестидесяти с белоснежными волосами и сияющими голубыми глазами. Она сидела в крайне неудобной позе, скрестив ноги и положив ступни на бедра и словно в молитве сложив руки.

– Намасте, – сказала она с таким сильным южным акцентом, что я даже не сразу поняла, что она сказала.

– Доброе утро, – нерешительно ответила я. – Где Нэнси?

Женщина встала из своей позы и выпрямилась во весь рост, который, как оказалось, едва превышал пять футов.

– Привет! – сказала она, предлагая свою унизанную кольцами руку. – Я Шарлин Роуз, подруга Нэнси. Вчера мы с ней играли в гольф, и я случайно ударила ее по голове неудачным броском. Врачи говорят, что, как только ей снимут швы, с ней все будет в порядке.

– Швы? Это что-то серьезное?

– Всего три шва, и я сказала, что оплачу любую пластическую операцию, если у нее на лбу останется шрам. Но с ней все в порядке. Я на неделю поселила ее в спа-отеле «Чарльстон-Плейс», чтобы она смогла восстановиться.

– Отлично, – сказала я, пристально глядя на женщину. – Мы с вами раньше не встречались? – спросила я, все еще задаваясь вопросом, почему она сидела в приемной на коврике для йоги.

Шарлин просияла улыбкой:

– Я однажды снялась в кино с Деми Мур. Вообще-то я была статисткой, но у меня была роль со словами. К сожалению, эти сцены вырезали, но меня можно увидеть в массовке в самом конце. Возможно, именно там вы меня могли видеть.

– Может быть, – сказала я, ожидая услышать пространное объяснение, как ее занесло на съемки фильма и зачем ей на полу коврик для йоги.

Взгляд Шарлин остановился на моем латте с горкой сливок и пакетом для выпечки с жирными пятнами на дне.

– Вы, должно быть, Мелани Миддлтон.

– Она самая, – призналась я, а про себя подумала, что если Нэнси нашла в себе силы подготовить Шарлин ко встрече со мной, то с ней наверняка все в порядке.

Шарлин нахмурилась:

– Это вредная пища.

Я уже было закатила глаза, но вовремя одернула себя:

– Почему вы здесь? И почему занимаетесь йогой в приемной?

Ослепительная, как лампочка, улыбка Шарлин не потускнела ни на один ватт.

– Люблю встать пораньше, чтобы сделать упражнения, тем более что Нэнси пообещала мне, что раньше девяти сюда никто не придет, кроме вас, и что вы вряд ли станете возражать. – Шарлин похлопала по телефону, который, как я заметила, был сдвинут на самый край стола: – Я всегда могу дотянуться до него.

Меня так и подмывало топнуть ногой.

– Но почему вы здесь?

– Ой, мне следовало сказать это в самом начале. Я здесь вместо Нэнси, пока ее нет. Она знала, что я идеально подхожу для этой работы. Она постоянно мне про вас всех рассказывает, и у меня такое чувство, будто мы знакомы долгие годы. Кстати, не волнуйтесь, меня не нужно ничему учить. Нэнси уже рассказала мне все, а я быстро учусь. Кроме того, номер Нэнси стоит у меня на скоростном наборе, на тот случай, если у меня возникнут проблемы.

– Что ж, приятно было познакомиться, – медленно сказала я и повернулась, чтобы пойти в свой кабинет. – Кстати, я не люблю...

– ...чтобы вас беспокоили до девяти часов, потому что вам нужно время, чтобы распланировать рабочий день и ваши ежедневники, хотя я не могу понять, зачем человеку нужно их сразу несколько. И я с радостью могу забирать ваш завтрак по дороге каждое утро. Может быть, что-то более здоровое. Да, сейчас у вас хорошая фигура, но, учитывая, что вы едите и ваш возраст, это не может продолжаться вечно.

Я стиснула зубы и зашагала быстрее, хотя, если честно, я бы плеснула в нее моим горячим латте.

Я запивала последний пончик, когда на моем столе загудел мобильник. Посмотрев на экран, я увидела имя Джека и номер его мобильного телефона. Чтобы не было соблазна ответить, я перевернула телефон. Мне нужно отделить себя от него. Ведь стоит поговорить с ним с утра, как это гарантия того, что он весь день не будет выходить у меня из головы. Перезвоню ему сразу после двенадцати – и мое утро будет свободным от мыслей о Джеке.

Только я взялась заполнять электронную таблицу дел на сегодняшний день – всех моих встреч с клиентами и походов в туалет, – как на углу моего рабочего стола зазвонил телефон. Я нажала кнопку громкой связи:

– Да, Шарлин?

– Джек Тренхольм на первой линии.

Я стиснула зубы:

– Я думала, вы в курсе, что я не отвечаю на звонки до девяти.

– Но ведь это Джек. Нэнси сказала, что вы всегда отвечаете на его звонки.

Только не заводись, сказала я себе и сделала глубокий вдох.

– Она ошибается. Я вообще не хочу с ним разговаривать, тем более когда я...

Я подняла голову и увидела Джека. Разговаривая по мобильному телефону, он стоял в дверях моего кабинета.

– Спасибо, Шарлин, – сказал он. – Можете разъединить линию. Кстати, я сказал, как вам идет голубой цвет?

Я тоже нажала кнопку отключения. Джек сунул свой телефон в задний карман. Сегодня он выглядел лучше, чем в прошлый раз, когда я его видела. Интересно, это потому, что ему

больше не нужно ежедневно портить себе нервы, общаясь с дочерью-подростком? И все же было в его глазах нечто такое, что шло вразрез с его обычной самоуверенностью.

Откинувшись на спинку стула, я скинула очки для чтения со стола в верхний ящик. Вряд ли я вынесу хотя бы один намек на мой возраст.

– Привет, Джек. Рада тебя видеть, как всегда.

Не спросив разрешения, он шагнул внутрь и уселся на одно из двух удобных кресел, предназначенных для клиентов.

– Взаимно. Хотя, если честно, мне немного обидно, что ты отказывалась брать трубку.

– Извини. Но у некоторых из нас есть настоящая работа, которая требует, чтобы ее выполняли. – Я пристально посмотрела на него. От моего взгляда ничто не ускользнуло – и щетина на подбородке, и влажные волосы, и слегка помятый вид, в котором, что удивительно, была своя привлекательность. – Кстати, странно видеть тебя бодрствующим в столь ранний час.

– Может, я вообще не ложился спать. – Он слегка приподнял брови. Где-то в самом низу моего живота что-то шевельнулось, что я приписала слишком большому количеству поглощенного сахара.

Я стойко выдержала его взгляд.

– Тебе наверняка что-то нужно, если ты здесь, а не в постели.

Он ответил не сразу, как бы давая понять, что мои слова «постель» и «ты» в одном предложении не остались незамеченными.

– Я еду в аэропорт, но решил заглянуть сюда и показать тебе кое-что.

– Мне казалось, твои личные взгляды интересны в первую очередь психологам.

Ответом мне стал недоуменный взгляд. Не говоря ни слова, Джек наклонился к рюкзаку, который он ранее поставил на пол рядом с собой. Расстегнув верхнюю молнию, он полез внутрь и достал небольшой предмет, который затем положил на середину моего стола. Я посмотрела на миниатюрный предмет мебели, выполненный столь мастерски, что казалось, будто он неким чудодейственным образом сжался до миниатюрных размеров.

– Это что? – спросила я, положив подбородок на стол, чтобы лучше его рассмотреть.

– Когда мы с Чэдом перевозили кукольный домик к твоей матери, я заметил этот миниатюрный буфет в столовой. Он показался мне очень знакомым. Я взял его, чтобы показать матери, и оказался прав.

– В чем именно?

Он указал на ромбовидные инкрустации на двухъярусном шкафчике, сделанном из красного дерева:

– Этот дизайн характерен для краснодеревщика Роберта Уокера. Родом он был из Шотландии и держал здесь, в Чарльстоне, магазин. Его мебель сейчас очень редкая и ценится высоко. В магазине моей матери несколько лет назад был очень похожий шкаф.

Я откинулась на спинку стула.

– И что из этого следует?..

– То, что, если наше предположение верно, кукольный домик и его содержимое – это копии реального дома. В таком случае дом этот был, скорее всего, в Чарльстоне и, возможно, стоит до сих пор. Это должно помочь нам найти первоначальных владельцев и узнать, изображен ли кто-то из них в виде игрушечных фигурок.

– Но тебе с этим не повезло и ты их не нашел?

– Признаюсь, я не слишком в этом преуспел. Проследив все продажи домика, я на данный момент выяснил лишь одно: он почти все время путешествовал по Югу и провел год в одном доме в Бостоне. Такое впечатление, что он не пришелся по душе ни одному владельцу. Самый долгий срок, какой он провел на одном месте, это полтора года.

Я на миг задумалась, вспомнив фигурки мальчика и сломанной собаки. В принципе я уже догадывалась, почему никто не хотел долго держать этот кукольный домик у себя.

– Но если дом, чьей копией он является, до сих пор здесь, почему я или Софи все еще не узнаём его? Ведь мы с ней знаем практически каждый исторический дом в Чарльстоне, по крайней мере снаружи. Но не этот.

– Но если предположить, что его снесли до того, как Общество охраны памятников старины впилося зубами в старые дома, его вполне могли перестроить. За эти годы владельцы внесли изменения, чтобы дом казался более современным. Мы видели дома в стиле древнегреческого возрождения, переделанные в викторианские, и наоборот, в зависимости от моды. Вдруг наш дом спрятан за георгианским фасадом? Откуда нам знать? – Он придвинул игрушечный шкаф ко мне. – Я возвращаю его тебе, чтобы ты могла вернуть его на место, прежде чем Нола хватится его.

– Разумно, – сказала я. – И, коль речь зашла о Ноле, на этой неделе я узнала кое-что интересное. Мы ехали в машине, и по радио зазвучал новый хит Джимми Гордона «Я только начинаю». Нола жутко расстроилась. Даже заставила нас сменить радиостанцию. Сказала, что встречала его и он ей не понравился.

Джек откинулся на спинку стула:

– Она сказала что-нибудь еще? Например, где она его встречала?

– Вообще-то, нет. Просто ясно дала понять, что это не та тема, которую ей хотелось бы развивать.

Джек побарабанил пальцами по столу:

– Нам с ней нужно больше времени проводить вместе. Может, пока я буду в отъезде, ты придумаешь, что отец и дочь могли бы сделать вместе. Главное, чтобы это было весело.

Вряд ли с моей стороны имело смысл напоминать ему, что у меня совершенно нет опыта по части такого рода вещей. Мой детский опыт сводился к тому, что я старалась удержать отца от выпивки или, по крайней мере, добивалась того, чтобы он не напивался у всех на виду.

Джек продолжал смотреть на меня, но было понятно, что на самом деле его взгляд устремлен куда-то в пространство. Думал ли он о Бонни?

– А я пока займусь Джимми Гордоном, – произнес он в конце концов. – Вдруг они с Нолой встречались через Бонни, ведь она писала песни. Думаю, это имеет смысл. В любом случае, стоит проверить. В данный момент пригодится все, что поможет достучаться до Нолы, ведь ничто другое не работает.

Его голос был полон разочарования. Вопреки обычаю, мне стало его жаль.

– И надолго ты уезжаешь? – поинтересовалась я.

В его глазах вспыхнул огонек. Передо мной вновь был старый Джек.

– Почему спрашиваешь? Будешь скучать по мне?

Я вздохнула. От моего сочувствия не осталось и следа.

– Нет. Просто хотела узнать, должна я спросить у твоей матери насчет этого игрушечного шкафа. Если ты куда-то собрался, чтобы развлечься, я не уверена, что ты не забудешь ей позвонить.

Он поставил локти на подлокотники кресла и сложил домиком ладони перед собой.

– Я лечу в Нью-Йорк, и вовсе не для развлечений. Если только ты не согласишься составить мне компанию.

И вновь в области моего живота что-то шевельнулось. Я тотчас сделала мысленную отметку не добавлять в следующий раз в мое латте двойную порцию сливок.

– Если не ошибаюсь, я сказала, что некоторым из нас приходится иногда работать. Плюс у меня дома подросток. – Выразительно посмотрев на Джека, я села прямо и разложила перед собой ежедневники, давая понять, что готова вернуться к работе и в мои планы не входит все бросить и лететь с ним в Нью-Йорк. Что, кстати, внезапно показалось мне не такой уж плохой идеей. – К тому же вряд ли Ребекке понравится, если мы с тобой вместе отправимся в путешествие.

Он пристально посмотрел на меня:

– Разве я что-то сказал о романтическом путешествии, Мелли? Я лишь намекнул, что тебе не помешает развеяться, и поездка в Нью-Йорк вместе со мной была бы отличным способом это сделать. Мне и в голову не могло прийти, что ты подумаешь, что мы будем жить в одном номере плюс все прочее, что к этому прилагается.

Его логика была отнюдь не без изъянов, но я была слишком смущена, ведь именно это я и подумала, и этот поганец это прекрасно знал. Не отводя глаз, я протянула к телефону руку и нажала кнопку стойки администратора:

– Вы не могли бы соединить меня с кем-нибудь? С кем угодно. Это не имеет значения.

Джек ухмыльнулся и встал.

– Не волнуйся. Я уйду. Я уже говорил с Нолой, поэтому она знает, где я и как меня найти. И я ценю, что ты согласилась присмотреть за ней. – Он закинул рюкзак на плечо. – Просто дай мне знать, если моя мать что-то найдет.

Мои мысленные терзания по поводу язвительной фразы, которую следовало бы бросить вдогонку Джеку, прервал голос моего начальника:

– Мелани? Это вы? Не знал, что в мои обязанности входит соединять вас с кем-то.

Я застыла на месте, уставившись на телефон. Черт, похоже, я нажала не ту кнопку.

– Извините, Дейв, я ошиблась, – сказала я как можно подобострастнее и подняла голову. Джек уже вышел, но его смех пронесся по коридору и влетел в мою открытую дверь.

* * *

Я узнала новый белый «Приус» Софи, стоявший перед домом моей матери на Легар-стрит. Сама Софи сидела на кованой железной скамейке в розарии моей бабушки, вытянув перед собой левую руку. Она как будто ловила своим новым кольцом солнечные лучи. При виде этой картины меня внезапно пронзила боль... Нет, это была не ревность. Я это точно знала, потому что была по-настоящему рада за нее и Чэда и отказывалась понять, почему они так долго тянули с этим делом. Ведь они буквально созданы друг для друга. Не желая заниматься изучением собственных чувств – вдруг окажется, что их причина кроется в упущенных возможностях и неумолимом ходе времени, – я ускорила шаг.

– Привет, Софи. У нас с тобой назначена встреча? Не помню, чтобы она была в моих ежедневниках.

Она быстро положила руку на колени и покачала головой. Ее буйные непокорные кудри удерживали на месте насколько разноцветных заколок.

– Нет. Просто проезжала мимо и решила зайти посмотреть, дома ли ты. Твои родители сказали, что я могу подождать. Они отправились в SNOB на ужин, а затем в кино и велели мне сказать, что тебе не стоит их ждать.

– А Нола?

– У бабушки с дедушкой. Те были приглашены на ужин к Равенелям на остров Салливан, а их внучка Олстон пригласила Нолу. Они привезут ее обратно, но только поздно. Я понятия не имею, кто эти люди, просто повторяю то, что сказала мне твоя мать. Мол, она бы предупредила тебя сама, но ей некогда тебе звонить, потому что она уже опаздывает на свидание. – Софи вытаращила глаза: – Не знала, что женщине лет шестидесяти может пойти платье с глубоким вырезом, но твоя мать в этом смысле – исключение.

Мне было неприятно думать о том, как моя мать наряжается для мужчины – тем более для моего отца, – и я поспешила сменить тему:

– Могу я посидеть с тобой?

Софи подвинулась, и я уселась рядом с ней, а портфель поставила на землю.

– Так зачем ты хотела меня видеть?

Она подняла левую руку. Бриллиант на ее пальце мгновенно заиграл на солнце искрами света.

– Ради этого.

– А-а-а! – улыбнулась я. – Прекрасное кольцо.

– Это Амелия помогла Чэду выбрать его. Ты же знаешь, как он зациклен на вторичной переработке, и он подумал, лучше купить что-то, что уже было в употреблении, нежели новую вещь. – Софи вновь посмотрела на кольцо. Оно явно было старинным – платиновое, с замысловатым узором вокруг круглого бриллианта. Сейчас такие не делают. – Наверно, оно красивое только потому, что оно мое. К сожалению, я не слишком хорошо разбираюсь в таких вещах, чтобы понять, так это или нет.

Я попыталась сохранить невозмутимое лицо.

– Да, я заметила, – ответила я и, взяв ее руку, повертела кольцо в солнечных лучах. – Но оно действительно прекрасно. Чэд и Амелия постарались на славу.

Софи положила вторую руку на мою и легонько ее жала.

– Извини, что не сказала тебе раньше. Честное слово, я хотела, чтобы ты узнала первой. Но такие вещи... часто выходят из-под контроля.

– Понимаю. Я не обижаюсь... больше не обижаюсь.

Софи откинулась назад и испытующе посмотрела на меня:

– В самом деле? Я спрашиваю потому, что у тебя по-прежнему обиженный рот.

– Что-что?

– Ну, ты знаешь, его кончики ползут вниз, когда у тебя неожиданный посетитель, которого нет в твоей электронной таблице, или если какая-то задача отнимает у тебя больше времени, чем должна, и все, что за этим следует, летит кувырком. Или когда ты видишь Джека и Ребекку вместе.

Я постаралась придать лицу нейтральное выражение.

– Понятия не имею, о чем ты. Но я рада за тебя и Чэда. Я знала, что вы созданы друг для друга, как только его увидела. В том смысле, что вы оба веганы и ему нравится, как ты одеваешься. Поверь мне, второго такого, как он, просто нет.

Софи шутливо толкнула меня локтем в бок:

– Знаю. – Она вновь посерьезнела. – Я рада, что с тобой все в порядке, потому что я хотела спросить тебя, не согласишься ли ты быть подружкой невесты?

На глаза мне навернулись предательские слезы. Я моргнула и заставила себя принять строгий вид.

– Это от многого зависит.

– От чего же? – насторожилась Софи.

– От того, кто выбирает платье для подружек невесты.

Софи тотчас откинула голову назад и расхохоталась.

– О боже, Мелани. Ты меня напугала. Как будто это имеет значение.

– Я серьезно. Я не надену марлю, никаких хламид с «вареными» разводами, никакого бисера. И определенно никакой конопли.

Софи крепко обняла меня.

– Ты самая лучшая, Мелани. Вот увидишь, мы обязательно найдем что-то, что понравится нам обеим. Но предупреждаю заранее: это будет на открытом воздухе, чтобы все могли ходить босиком.

Я медленно кивнула, чтобы не сказать, что я думаю об этой идее на самом деле. В конце концов, это свадьба Софи, и если она хочет, чтобы я прошла по проходу церкви босиком, то пусть так и будет. И если я когда-нибудь выйду замуж, я заплачу ей тем, что заставлю надеть тафту и кринолин и зачесать волосы в аккуратный шиньон.

– Конечно. Как пожелаешь. Это твоя свадьба. Дай мне знать, если тебе понадобится помощь. Я мастер по части планирования мероприятий.

Она сделала большие глаза. Ей потребовалась пара секунд, чтобы придумать ответ.

– Спасибо, Мелани. Буду иметь в виду. Хотя я не думаю, что мне нужно что-то планировать. Это будет маленькая свадьба – только семья и друзья. Но я обязательно сообщу тебе, если нам понадобятся электронные таблицы.

Я похлопала ее по колену и встала.

– Давай.

Я посмотрела на пустой дом. Еще недавно я обожала мое уединенное существование: приходиться и уходить, когда вздумается, наслаждаться тишиной и уединением пустого дома. Теперь это казалось... просто одиночеством. Я посмотрела на Софи:

– Не хочешь посмотреть со мной «Лузеров»? Я посмотрела несколько серий вместе с Нолой, потому что она меня заставила. И надо сказать, это оказалось заразительно.

Софи тоже встала.

– Спасибо, но Чэд готовит сегодня вечером веганскую лазанью. Если хочешь, присоединяйся к нам, хотя потом ты наверняка вернешься домой голодная и совершишь набег на кладовку миссис Хулихан.

– Это точно. Но ничего страшного. Генерал Ли наверняка составит мне компанию.

Софи импульсивно обняла меня:

– Спасибо, что согласилась быть подружкой невесты. Ты ведь знаешь, я бы сделала то же самое для тебя.

– Все, можешь дышать свободно, – сказала я, разжимая объятия, и направилась к парадному крыльцу под внушительным двухъярусным портиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.